

Дюркгейм Эмиль, Мосс Марсель. О некоторых первобытных формах классификации. к исследованию коллективных представлений

Впервые опубликовано в журнале L'Année sociologique. Т. 6. (1901-1902). P., 1903. Перевод осуществлен по изданию: Mauss M. Oeuvres, t. 2. P., Ed. de Minuit, 1969.

[154]

Современные открытия в психологической науке выявили существование весьма распространенной иллюзии, заставляющей нас принимать за простые, элементарные такие мыслительные операции, которые в действительности очень сложны. Мы знаем теперь, из сколь многих элементов сформировался механизм, благодаря которому мы конструируем, проецируем вовне, локализуем в пространстве наши представления о чувственно воспринимаемом мире. Но это разложение на элементы пока еще очень редко производилось применительно к собственно логическим операциям. Способности к определению, дедукции, индукции обычно рассматриваются как непосредственно данные в структуре индивидуального рассудка. Разумеется, нам давно известно, что в ходе истории люди учились все лучше и лучше пользоваться этими разнообразными функциями. Но считается, что существенные изменения происходили лишь в способе их использования; в своих же основных чертах они сложились тогда же, когда возникло человечество. Даже не задумывались о том, что они могли сформироваться посредством мучительной, трудной сборки элементов, заимствованных из самых разных источников, которые весьма далеки от логики и тщательно организованы. И в этой концепции не было ничего удивительного,

поскольку становление логических способностей относили только к области индивидуальной психологии. В былые времена еще не возникало мысли о том, что методы научного мышления — это подлинные социальные институты, возникновение которых может описать и объяснить только социология.

Предшествующие замечания главным образом относятся к тому, что мы могли бы назвать классификационной функцией. Этот процесс классификации существ, событий, фактов окружающего мира по родам и видам, в подчинении их друг другу, в определении их отношений включенности или исключенности логики и даже психологи обычно воспринимают как процедуру простую, врожденную или по крайней мере осуществляемую только силами индивида. Логики считают, что иерархия понятий задана в вещах и непосредственно выражается бесконечной цепью силлогизмов. Психологи думают, что только игра ассоциации идей, законы сопряженности и подобия между состояниями сознания способны объяснить агглютинацию образов, их организацию в понятия, причем в понятия, классифицированные в отношении друг друга. Правда, в последнее время возникла не столь простая теория первоначального психологического развития. Была высказана гипотеза, согласно которой идеи группировались не только по их взаимному сходству, но также и по их отношениям с движением[155]. Тем не менее, как бы хорошо ни было их объяснение, оно по-прежнему представляет классификацию как продукт индивидуальной деятельности.

Существует между тем один факт, который сам по себе достаточно ясно указывает на то, что эта операция имеет другие истоки: дело в том, что наш теперешний способ ее понимания и использования возник относительно недавно. В самом деле, для нас классифицировать вещи — значит распределять их по группам, отличным друг от друга, разделенным четкими демаркационными линиями. Из того, что современный эволюционизм отрицает существование между этими группами непреодолимой пропасти, не следует, что он их смешивает настолько, что отрицает право выводить их друг из друга. В основе нашего понимания класса лежит идея четкого ограничения. Однако можно, вероятно, сказать, что это понимание классификации возникает не ранее, чем у Аристотеля. Аристотель — первый, кто провозгласил существование и реальность специфических различий, кто доказал, что средство есть причина и что не существует прямого перехода от одного рода к другому. Платону в гораздо меньшей мере было присуще ощущение этого различия и этой иерархической организации, поскольку для него роды были в определенном смысле гомогенны и могли сводиться одни к другим посредством диалектики.

Мало того, что наше теперешнее понятие классификации имеет историю; сама эта история предполагает длительную предысторию. Важно в полной мере оценить состояние неспособности различать, в котором первоначально пребывал человеческий ум. Даже сегодня значительная часть нашей народной литературы, наших мифов и религий базируется на основательном смешении всех образов, всех идей. Среди них нет таких, которые были бы, так сказать, более или менее четко отделены от других. Превращения, передача качеств, замещения личностей, душ и тел, верования, связанные с материализацией духов, одушевлением материальных объектов, составляют элементы религиозной мысли или фольклора. Следовательно, сама идея подобных превращений не могла бы родиться, если бы вещи были представлены в строго разграниченных и

классифицированных понятиях. Христианская догма претворения является следствием этого состояния ума и может служить доказательством его всеобщего характера.

Тем не менее подобный образ мышления в европейских обществах сохраняется в настоящее время только в виде пережитка, и даже в этой форме мы обнаруживаем его лишь в некоторых четко локализованных функциях коллективного мышления. Но существует бесчисленное множество обществ, где в этиологической сказке заключается вся естественная история, в превращениях — вся теория растительных и животных видов, в прорицательских циклах, магических кругах и квадратах — все научное предвидение. В Китае, на всем Дальнем Востоке, во всей современной Индии, как и в античных Греции и Риме, понятия, относящиеся к симпатическим действиям, к символическим соответствиям, к астральным влияниям, не только были или остаются широко распространенными, но также еще и исчерпывали или исчерпывают собой коллективную науку. Стало быть, они основаны на вере в возможное превращение самых разнородных вещей друг в друга и, следовательно, предполагают более или менее полное отсутствие определенных понятий.

Если мы обратимся к наименее развитым среди известных нам обществ, к тем, которые немцы обозначают несколько расплывчатым термином *Naturvölker* [естественные народы][156], то мы обнаружим еще большую мешанину в мыслях[157]. Здесь сам индивид утрачивает свою личность. Между ним и его внешней душой, между ним и его тотемом — полная неразличимость. Его личность и личность его *fellow-animal* [родственного животного] составляют единое целое[158]. Отождествление настолько велико, что человек приобретает свойства вещи или животного, с которым он таким образом сближается. Например, на острове Мабуяг люди из клана крокодила слывут обладателями крокодильего нрава: они горды, жестоки, всегда готовы к бою[159]. У некоторых сиу существует часть племени, называемая красной, включающая кланы пумы, бизона, лося — животных, отличающихся необузданными инстинктами; члены этих кланов от рождения — люди войны, тогда как земледельцы, люди, естественно, мирные, принадлежат к кланам, чьи тотемы — преимущественно мирные животные[160].

Если так происходит с людьми, то тем более так обстоит дело с вещами. Между знаком и объектом, именем и личностью, местностями и жителями не только полностью отсутствует различие, но, согласно очень верному замечанию фон ден Штайнена по поводу бакаири[161] и бороро, «принцип *generatio aequivoca* [двойственного происхождения] для первобытного человека считается доказанным»[162]. Бороро искренне считает себя лично длиннохвостым попугаем; по крайней мере, если он и должен принимать его характерную форму только после смерти, то в этой жизни он по отношению к животному является тем же, что гусеница — по отношению к бабочке. Трумаи всерьез воспринимают себя как водяных животных. «У индейца отсутствует наше определение родов по отношению друг к другу, так, чтобы один не смешивался с другим»[163]. Животные, люди, неодушевленные объекты первоначально почти всегда воспринимались как поддерживающие между собой отношения самого полного тождества. Отношения между черной коровой и дождем, белой или рыжей лошадью и солнцем являются характерными чертами индоевропейской традиции[164], и число примеров можно было бы увеличивать до бесконечности.

Впрочем, это состояние мышления не очень ощутимо отличается от того, какое еще теперь в каждом поколении служит отправной точкой индивидуального развития. Сознание в этом случае есть не что иное, как непрерывный поток представлений, погружающихся друг в друга, а когда различия начинают появляться, они очень фрагментарны. Вот это находится справа, а это — слева, это — в прошлом, а это — в настоящем, это похоже на то, это сопровождало то — вот приблизительно все, что мог бы породить даже ум взрослого человека, если бы воспитание не привило ему способы мышления, которые он никогда бы не мог установить своими собственными силами и которые представляют собой плод всего исторического развития. Мы видим значительную дистанцию, существующую между этими рудиментарными различениями и группировками и тем, что составляет настоящую классификацию.

Поскольку, стало быть, человек классифицирует не спонтанно и не вследствие некоей естественной необходимости, вначале наиболее необходимые условия для классификационной функции у человечества отсутствуют. Достаточно к тому же проанализировать самую идею классификации, чтобы понять, что человек не мог найти в самом себе ее основные элементы. Класс — это группа вещей, однако вещи сами по себе не представляются наблюдению сгруппированными таким-то образом. Мы вполне можем более или менее туманно воспринимать их сходство. Но одного факта этих подобий недостаточно, чтобы объяснить, как мы приходим к собиранию существ, сходных в таком-то отношении, к их объединению в некую идеальную сферу, замкнутую в определенных границах и называемую нами родом, видом и т. д. Ничто не позволяет нам предположить, что наш ум при рождении содержит в себе вполне готовый прототип этой элементарной рамки всякой классификации. Разумеется, слово может помочь нам придать больше единства и устойчивости сформированному таким образом объединению, но если слово и является средством лучше произвести эту группировку, как только осознана ее возможность, все же оно само по себе не может внушить нам представление о ней. С другой стороны, классифицировать — значит не только составлять группы, но и располагать их в соответствии с весьма особыми отношениями. Мы представляем их себе как соподчиненные или подчиненные по отношению друг к другу, мы говорим, что одни (виды) включены в другие (роды), что вторые подчиняют себе первые. Одни доминируют, другие подчиняются, третьи независимы друг от друга. Всякая классификация предполагает иерархический порядок, модель которого не дают нам ни чувственно воспринимаемый мир, ни наше сознание. Стало быть, уместно спросить себя, куда мы за ней отправились. Сами выражения, которыми мы пользуемся, чтобы ее охарактеризовать, позволяют предположить, что все эти логические понятия имеют внелогическое происхождение. Мы говорим, что виды одного и того же рода поддерживают отношения родства; мы называем некоторые классы семействами; разве само слово «род» не обозначало изначально семейную группу (γένος)? Эти факты заставляют предположить, что схема классификации является не стихийным продуктом абстрактного рассудка, но результатом работы, включившей в себя всякого рода внешние элементы.

Разумеется, эти предварительные замечания никоим образом не преследуют цель решить проблему или даже наметить ее решение; они лишь показывают, что здесь есть проблема, которая должна быть поставлена. Поскольку нет оснований считать очевидным, что люди классифицируют просто естественным образом, в силу некоей внутренней потребности их

индивидуального рассудка, надо, напротив, спросить себя, что смогло привести их к тому, чтобы располагать свои понятия в данной форме, и где смогли они найти замысел столь замечательного расположения. Мы не можем даже мечтать о том, чтобы рассмотреть здесь этот вопрос во всем его объеме. Но после его постановки мы хотели бы собрать некоторое количество сведений, которые, полагаем, в состоянии прояснить его. В самом деле, единственный способ на него ответить — это разыскать самые рудиментарные классификации, какие только создали люди, с тем чтобы увидеть, из каких элементов они построены. Поэтому далее мы опишем некоторые классификации, которые, безусловно, весьма примитивны и общий смысл которых представляется очевидным.

Этот вопрос еще не ставился в изложенных выше понятиях. Но среди фактов, которые нам придется использовать в ходе этой работы, имеются такие, которые уже отмечались и исследовались некоторыми авторами. Бастиан неоднократно занимался космологическими понятиями в целом и довольно часто делал попытки их систематизации[165]. Но он обращался главным образом к космологиям восточных народов и к космологиям Средневековья, преимущественно перечисляя факты, которые не стремился объяснять. Что касается более рудиментарных классификаций, то вначале Хауитт[166], затем Фрэзер[167] уже дали множество их примеров. Но ни один, ни другой не почувствовали их значение с точки зрения истории логики. Мы увидим, что интерпретация этих фактов Фрэзером даже прямо противоположна той, которую предложим мы.

I

Самые примитивные среди известных нам систем классификации наблюдаются в австралийских племенах.

Известно, какой тип организации наиболее распространен в обществах этого рода. Каждое племя разделено на две большие основные части, которые мы называем фратриями[168]. Каждая фратрия, в свою очередь, включает некоторое количество кланов, т. е. групп индивидов, носителей одного и того же тотема. В принципе тотемы одной фратрии не обнаруживаются в другой. Помимо этого деления на кланы каждая фратрия делится на два класса, которые мы будем называть матримониальными. Мы даем им это название потому, что данная организация имеет целью прежде всего регулирование браков: каждый класс одной фратрии может заключать брак только с определенным классом другой фратрии. Общая организация племени имеет, таким образом, следующую форму.[169]

Фратрия I	Матримониальный класс А	Клан эму, змси, гусеницы и т. д.
	Матримониальный класс В	
Фратрия II	Матримониальный класс А	Клан кенгуру, опоссума, ворона и т. д.¹⁴
	Матримониальный класс В	

Классы, обозначенные одной и той же буквой (А, А и В, В), — это те, между которыми существует коннубиум[170].

Все члены племени оказываются, таким образом, классифицированными в определенных рамках, которые встроены друг в друга. А классификация вещей воспроизводит эту классификацию людей.

Уже Кэмерон заметил, что у та-та-тис[171] «все объекты Вселенной поделены между различными членами племени». «Одни, — говорит он, — присваивают себе деревья, другие — равнины, третьи — небо, ветер, дождь и тому подобное». К сожалению, в этом свидетельстве недостает точности. Нам не сообщают, с какими группами индивидов связаны разные группы объектов[172]. Но у нас есть гораздо более доказательные факты, весьма знаменательные документы.

Каждое племя в районе реки Беллингем разделено на две фратрии, и, согласно Палмеру, это разделение так же применяется и к природе. «Вся природа, — говорит он, — делится в соответствии с названиями фратрий[173]. Вещи называются мужчинами или женщинами. Солнце, луна и звезды — это мужчины и женщины, принадлежащие к той или иной фратрии точно так же, как сами чернокожие»[174]. Это племя довольно близко к другому племени, проживающему в Порт-Маккей в Квинсленде, у которого находим ту же систему классификации. Согласно ответу, данному Бриджманом на анкеты Карра, Бр. Смита и Лоримера Файсона, это и даже соседние с ним племена включают в себя две фратрии: одна называется юнгару, другая — вутару. Существуют также и матримониальные классы, но они, вероятно, не влияют на космологические понятия. Напротив, разделение фратрий рассматривается «как универсальный закон природы». «Все объекты, одушевленные и неодушевленные, — говорит Карр, опираясь на Бриджмана, — разделены этими племенами на два класса, называемые юнгару и вутару»[175]. «Они делят вещи между собой, — сообщает тот же наблюдатель (Бр. Смит). — Они говорят, что аллигаторы — это юнгару, а кенгуру — вутару. Солнце — юнгару, луна — вутару, и то же самое относится к созвездиям, деревьям, растениям и т. д.»[176] И Файсон говорит: «Все в природе у них распределяется между обеими фратриями. Ветер принадлежит одной, дождь — другой... Если их спросить о какой-то определенной звезде, то они скажут, к какому подразделению (фратрии) она принадлежит»[177].

Такая классификация чрезвычайно проста, поскольку она двоичная. Все вещи распределены по двум категориям, которые соответствуют обеим фратриям. Система становится более сложной, когда имеет место уже не только деление на фратрии, но также деление на четыре матримониальных класса, которое служит рамкой для распределения существ. Так происходит у вакельбура Северного и Центрального Квинсленда. Майрхед, колонист, долго проживший в стране, и проницательный наблюдатель, часто посылал Карру и Хауитту сведения относительно организации этих народов и об их космологии, и эта информация, которую, по всей вероятности, можно распространить на многие племена[178], была подтверждена другим наблюдателем, Ч. Лоувом[179]. Вакельбура разделены на две фратрии — маллера и вутару; каждая, кроме того, разделена на два матримониальных класса. Классы фратрии маллера носят названия кургила и банхе; классы фратрии вутару называются вунго и обу. А эти две фратрии и два матримониальных класса «делят всю

вселенную на группы». «Обе фратрии, — говорит Хауитт, — это маллера или вутеру (то же, что вутару); поэтому все объекты относятся к одной или другой»[180]. О том же говорит Карр: «Пища, съеденная банби и каргилла, называется муллера, а пища вонгу или обоо (обу) называется вотера (вутару)»[181]. Но помимо этого мы находим распределение по матримониальным классам. «Некоторым классам разрешается есть только определенные виды пищи. Так, банби позволено употреблять в пищу опоссума, кенгуру, собаку, мед мелких пчел и пр. За вонгу закреплены эму, бандикут, черная утка, черная змея, коричневая змея. Обу питаются ромбическим питоном, медом жалящих пчел и пр. Каргилла едят дикобразов, равнинных индеек и пр. Кроме того, им принадлежат вода, дождь, огонь и гром. Существуют бесчисленные виды пищи, рыбы, дичи, птицы, в распределение которых Майрхед не вникает»[182].

Правда, возникает некоторое сомнение в достоверности данных, собранных об этом племени. Согласно Хауитту, можно было бы подумать, что разделение осуществляется по фратриям, а не по матримониальным классам. Действительно, объекты, предназначенные для банби и каргилла, должны быть все маллера[183]. Но расхождение здесь лишь внешнее, и причем поучительное. На самом деле фратрия есть род, матримониальный класс — вид; таким образом, название рода соответствует виду, что не означает, будто вид не имеет своего собственного названия. Подобно тому как кошка входит в класс четвероногих и может обозначаться этим названием, объекты вида каргилла восходят к высшему роду маллера (фратрия) и могут, следовательно, сами называться маллера. Это доказывает, что мы имеем дело уже не с простой дихотомией объектов, разделенных на два противоположных рода, но в каждом из этих родов с настоящей иерархией понятий.

Значение этой классификации таково, что она распространяется на все факты жизни; мы обнаруживаем ее след во всех основных обрядах. Так, колдун из фратрии маллера в своем ремесле может использовать только те вещи, которые также относятся к маллера[184]. Во время погребения помост, на котором выставляется тело (речь по-прежнему идет о человеке из маллера), «должен быть изготовлен из дерева, принадлежащего фратрии маллера»[185]. То же самое относится к ветвям, покрывающим труп. Если речь идет о человеке из банби, надо использовать дерево с большими листьями, так как оно банби[186], и исполнять этот обряд будут люди из той же фратрии. Та же самая структура понятий служит основой для предсказаний; опираясь на нее как на посылку, толкуют сны[187], определяют причины, ответственность. Известно, что во всех подобных обществах смерть никогда не рассматривается как естественное событие, вызываемое чисто физическими причинами; почти всегда она приписывается магическому влиянию какого-нибудь колдуна, и определение виновного составляет неотъемлемую часть погребальных обрядов. Так, у вакельбура классификация вещей по фратриям и матримониальным классам служит средством обнаружения класса, к которому принадлежит ответственное лицо, а возможно, и само это лицо[188]. Под помостом, где покоится тело, и повсюду вокруг воины тщательно разравнивают землю, так, чтобы малейший след на ней был виден. На следующий день внимательно обследуют участок земли под трупом. Если там прошло животное, его следы легко обнаруживаются; из этого аборигены легко делают вывод относительно класса человека, вызвавшего смерть их родственника[189]. Например, если обнаружат следы дикой собаки, то будут знать, что убийца — маллера и банби, так как к этой фратрии и к этому классу принадлежит это животное[190]. Более того, этот логический порядок

настолько тверд, принуждающая власть этих категорий над умом австралийца настолько велика, что в некоторых случаях можно наблюдать, как целая совокупность актов, знаков, вещей располагается в соответствии с этими принципами. Когда должна происходить церемония инициации, локальная группа, которая созывает другие локальные группы, принадлежащие к тому же тотемическому клану, предупреждает их, посылая им «палку-сообщение», которая должна принадлежать той самой фратрии, что отправитель и предьявитель[191]. Это обязательное соответствие, возможно, покажется ничем не примечательным, учитывая, что почти во всей Австралии приглашение на инициационное собрание осуществляется гонцом, несущим «чертей» (или bull-roarer, tumdun, чуринга), которые, очевидно, являются собственностью всего клана и, следовательно, как группы приглашающей, так и групп приглашенных[192]. Но то же самое правило применяется к посланиям, имеющим целью назначить встречу на охоте, и здесь отправитель, адресат, гонец, дерево, из которого изготовлено послание, указанная дичь, ее цвет — все строго оговаривается в соответствии с принципом, установленным классификацией[193]. Так, в примере, приводимом Хауиттом[194], палка была послана неким обу. Поэтому она была сделана из гидеи, разновидности акации, принадлежащей фратрии вутару, часть которой составляют обу. Дичью, изображенной на палке, были эму и валлаби, животные той же фратрии. Цвет палки был синий, вероятно, по той же причине. Таким образом, все здесь вытекает одно из другого, словно в теореме: отправитель, адресат, объект и способ послания, способ записи, используемое дерево — все родственны друг другу. Все эти понятия, по представлению первобытного человека, управляют друг другом и предполагают друг друга с логической необходимостью[195].

Другая система классификации, более полная и, возможно, более характерная, — это та, в которой объекты распределяются уже не по фратриям и матримониальным классам, а по фратриям и кланам, или тотемам. «Каждый из австралийских тотемов, — говорит Файсон, — имеет свою собственную ценность. Некоторые из них распределяют не только человечество, но и всю Вселенную на то, что можно назвать родовыми категориями»[196]. Для этого существует весьма простое основание. Дело в том, что, хотя тотемизм в определенном отношении представляет собой группировку людей по кланам в соответствии с природными объектами (объединенными тотемическими видами), он также и наоборот является группировкой природных объектов сообразно социальным группировкам.

«Южноавстралийский дикарь, — говорит далее тот же наблюдатель, — рассматривает Вселенную как большое племя, к одному из подразделений которого он принадлежит, а все одушевленные и неодушевленные объекты, принадлежащие его группе, составляют части тела, одна из которых — он сам. Эти объекты в полном смысле слова являются частями его самого, как точно замечает Стюарт»[197].

Наиболее известный пример этих фактов — тот, на который последовательно обращали внимание Файсон, Бр. Смит, Карр, Эндрю Лэнг, Фрэзер[198]. Он относится к племени из Маунт-Гамбира. Сведениями мы обязаны Стюарту, хорошо знакомому с этим племенем. Оно разделено на две фратрии, одна из которых называется кумите, другая — кроки; эти два названия, впрочем, широко распространены на всем юге Австралии, где они употребляются в том же смысле. Каждая из этих фратрий, в свою очередь, разделена на пять тотемических кланов, каждый из которых объединен родством по материнской линии[199]. Объекты распределены между этими кланами. Каждый клан не может потреблять никакой из

съедобных объектов, которые оказываются таким образом закреплены за ним. «Человек не убивает и не ест ни одно из животных, принадлежащих к той же категории, что и он сам»[200]. Но помимо этих запретных видов животных и даже растений[201] за каждым классом закреплено бесчисленное множество всякого рода объектов.

«Фратрии кумите и кроке (кроки) разделены каждая на пять подклассов (имеются в виду тотемические кланы), среди которых (sic!) распределены определенные объекты, называемые ими туооман (что обозначает «плоть») или винго (что обозначает «друзья»). Все объекты природы принадлежат тому или иному из этих десяти кланов»[202]. Карр отмечает, но только в качестве примеров[203], некоторые из объектов, классифицированных таким образом.

Первый из тотемов кумите[204] — это тотем мула[205], или сокол-рыболов; ему принадлежат, или, как говорят Файсон и Хауитт, в него включены дым, жимолость, деревья и т. д.[206]

Второй — это тотем парангала, или пеликан, с которым связаны черное дерево, собаки, огонь, лед и т. д.

Третий — это тотем ва, или ворона, которому подчинены дождь, гром, молния, град, облака и т. д.

Четвертый тотем — тотем вила, или черный какаду, к которому относятся луна, звезды и т. д.

Наконец, тотему карато (неядовитая змея) принадлежат рыба, волокнистое дерево, лосось, тюлень и т. д.

О тотемах фратрии кроки у нас меньше сведений. Мы знаем только три из них. С тотемом верио (чайное дерево) связаны утки, валлаби, куры, раки и т. д.; с тотемом мурна (вид съедобного корня)[207] — лунь, долвиш (разновидность мелкого кенгуру), перепелки и т. д.; с тотемом караал (бесхохолковый белый какаду)[208] — кенгуру, ложный дуб, лето, солнце, осень (слово женского рода), ветер (того же рода).

Таким образом, здесь перед нами система еще более сложная и обширная, чем предыдущие. Речь уже идет не только о классификации на два основных рода (фратрии), каждый из которых включает два вида (два матримониальных класса). Несомненно, число основных родов здесь то же самое, но число видов каждого рода гораздо большее, так как кланы могут быть очень многочисленны. В то же время в этой более дифференцированной организации состояние первоначальной мешанины, в котором находился человеческий ум, еще ощущается. Если различные группы увеличились, то внутри каждой простейшей группы царит та же неразличимость. Объекты, приписываемые одной фратрии, четко отделены от объектов, приписываемых другой; те, которые числятся за различными кланами одной и той же фратрии, различаются не меньше. Но все те, которые включены в один и тот же клан, в значительной мере не дифференцированы. Они одной и той же природы; между ними нет резких разграничительных линий, существующих между крайними разновидностями в наших классификациях. Индивиды из клана, особи из тотемического вида и связанных с

ними видов — все составляют лишь различные аспекты одной и той же реальности. Социальные деления, распространенные на исходную массу представлений, успешно смогли обозначить в них определенное число разграничительных рамок, но внутреннее наполнение этих рамок осталось в относительно аморфном состоянии, что свидетельствует о том, как медленно и трудно утверждалась функция классификации.

В некоторых случаях, вероятно, можно уловить определенные принципы, согласно которым складывались эти группировки. Так, в том же племени Маунт-Гамбира с белым какаду связаны солнце, лето, ветер; с черным какаду — луна, звезды, ночные светила. Вероятно, цвет обозначил как бы черту, вдоль которой, противопоставленные друг другу, расположились эти разнообразные представления. Точно так же ворон естественно, самой своей окраской, ассоциируется с дождями, тучами, зимой, а уж отсюда — с молнией и громом. Туземец, которого Стюарт спросил, к какому подразделению принадлежит бык, после минутного размышления дал следующий ответ: «Он ест траву, поэтому он — буртверио, т. е. из клана чайного дерева, в который входят, вероятно, все травы и травоядные»[209]. Но скорее всего это объяснения, данные задним числом. Туземец прибегает к ним для того, чтобы обосновать самому себе свою классификацию и свести ее к общим правилам, которыми он руководствуется. Очень часто, впрочем, подобные вопросы застают его врасплох, и всякий раз, отвечая, он ограничивается ссылкой на традицию. «Причины, благодаря которым рамка установилась, забыты, но рамка сохраняется, и ее более или менее успешно прилагают даже к новым понятиям, таким как бык, который был завезен совсем недавно»[210]. Тем более нам не стоит удивляться тому, что многие из этих ассоциаций сбивают нас с толку. Они созданы логикой, не тождественной нашей. Там управляют законы, о которых мы не догадываемся.

Аналогичный пример мы встречаем у племени вотьобалуков, проживающего в Новом Южном Уэльсе, одного из самых развитых среди всех австралийских племен. Этими данными мы обязаны самому Хауитту, компетентность которого известна[211]. Племя делится на две фратрии, крокич и гамуч[212], которые, по его словам, вероятно, распределили между собой все природные объекты. Согласно выражению туземцев, «вещи принадлежат фратриям». Кроме того, каждая фратрия включает в себя определенное количество кланов. В качестве примеров Хауитт называет во фратрии крокич кланы теплого ветра, бесхолокового белого какаду, солнечных объектов, а во фратрии гамуч — кланы глухой гадюки, черного какаду, пеликана[213]. Но это только примеры. «Я привел, — говорит он, — три тотема каждой фратрии в качестве примеров, но их больше; восемь у крокич и по крайней мере четыре — у гамуч»[214]. Объекты, отнесенные к каждой фратрии, распределены, стало быть, между различными кланами, которые она в себя включает. Точно так же как первичное подразделение (или фратрия) разделено на некоторое количество тотемических подразделений, все объекты, приписываемые к фратрии, разделены между этими тотемами. Таким образом, каждый тотем обладает некоторым числом природных объектов, причем не только животными, так как среди них встречаются звезда, огонь, ветер и т. д.[215] Объекты, классифицированные таким образом внутри каждого тотема, Хауитт называет субтотемами или псевдототемами. Белый какаду, например, насчитывает их 15, а теплый ветер — пять[216]. Наконец, классификация доводится до такой степени сложности, что иногда этим второстепенным тотемам оказываются подчинены тотемы третьестепенные. Так, класс крокич (фратрия) включает в себя в качестве подразделения пеликана (тотем); пеликан

включает в себя другие подразделения (субтотемы, разновидности объектов, классифицированных внутри тотема), среди которых оказывается огонь, а сам огонь включает в себя в качестве подразделения третьего уровня сигналы (подаваемые, вероятно, с помощью огня)[217].

Эта любопытная структура понятий, параллельная структуре общества, если не считать ее запутанности, совершенно сходна с той, которую мы обнаружили у племен Маунт-Гамбира; она сходна также с делением по матримониальным классам, которое мы наблюдали в Квинсленде, и с дихотомическим делением по фратриям, которое мы встречали почти везде[218]. Но вслед за объективным описанием различных разновидностей этой системы, их функционирования в этих обществах было бы интересно выяснить, как воспринимает их австралиец, какое представление существует у него самого об отношениях, которые поддерживают между собой группы объектов, классифицированные таким способом. Благодаря этому мы смогли бы лучше осознать, что представляют собой логические понятия первобытного человека и как они сформировались. Кстати, относительно вотьобалуков мы располагаем свидетельствами, позволяющими уточнить некоторые стороны этого вопроса.

Как и можно было ожидать, это представление выступает в различных формах.

Прежде всего эти логические отношения воспринимаются в форме отношений более или менее близкого индивиду родства. Когда классификация осуществляется просто по фратриям, без другого деления, каждый ощущает себя родственником, а также родственником по отношению к существам, приписанным к фратрии, членом которой он является; они все в равной мере его плоть, его друзья, в то время как к существам из другой фратрии он испытывает совсем иные чувства. Но когда на это фундаментальное разделение накладывается деление на классы или на тотемические кланы, эти отношения родства дифференцируются. Так, любой кумите из Маунт-Гамбира чувствует, что все кумитские вещи — его; но из них дороже всего ему те, которые относятся к его тотему. Родство в последнем случае более близкое. «Имя фратрии является общим, — говорит Хауитт относительно вотьобалуков, — тотемическое имя в известном смысле индивидуально, так как оно, конечно, ближе к индивиду, чем имя половины общины (т. е. фратрии), к которой он принадлежит»[219]. В результате объекты воспринимаются как расположенные в виде ряда концентрических кругов по отношению к индивиду: самые удаленные круги, соответствующие наиболее общим родам, — это те, что включают наименее касающиеся его объекты; они становятся ему менее безразличны по мере приближения к центру. Кроме того, когда они съедобны, только самые близкие из них для него запретны[220].

В других случаях эти отношения мыслятся в форме связей между обладателями и обладаемыми. Различие между тотемами и субтотемами состоит, согласно Хауитту, в следующем: «Те и другие называются миру (множественное число очмир, что значит «тотем»). Но в то время как один из моих информаторов, крокич, заимствует свое имя, нгауи, у солнца (тотема в собственном смысле), он обладает бунгил, одной из неподвижных звезд (являющейся субтотемом)... Подлинный тотем обладает им, но сам он обладает субтотемом»[221]. Подобно этому один из членов клана вартвут (теплый ветер) требовал в качестве «принадлежащего ему особо» одного из пяти субтотемов, моивука (ромбического питона)[222]. Если говорить точно, субтотемом обладает не индивид сам по себе; это

основному тотему принадлежат те, кто ему подчинен. Индивид здесь только посредник. Именно потому, что он содержит в себе тотем (который имеется также у всех членов клана), он обладает чем-то вроде права собственности на вещи, присвоенные этому тотему. К тому же в выражениях, которые мы только что привели, ощущается нечто от концепции, которую мы постарались проанализировать первоначально. Ибо вещь, «которая принадлежит индивиду особо», также и ближе к нему, и сильнее его затрагивает[223].

Правда, в некоторых случаях австралиец склонен представлять себе иерархию вещей как раз в обратном порядке: наиболее удаленные рассматриваются им как наиболее важные. Один из туземцев, о котором мы уже говорили, имевший тотемом солнце (нгауи) и субтотемом звезду (бунгил), говорил, что «он является нгауи, а не бунгил»[224]. Другой, о котором мы также упоминали, тотемом которого был вартвут (теплый ветер), а субтотемом — моивук (ромбический питон), представлял собой, даже по признанию одного из его товарищей, вартвут, «но также отчасти и моивук»[225]. Только часть его является ромбическим питоном. Именно с этим связано другое выражение, о котором сообщает нам Хауитт. Вотьобалук часто имеет два имени: одно — его тотем, другое — его субтотем. Первое — действительно его имя, другое «идет немного позади»[226]; оно занимает второе место. Дело в том, что вещи, наиболее существенные для индивида, не обязательно ближе всего к нему расположены и тесно привязаны к его индивидуальной личности. Сущность человека — это человечество. Сущность австралийца — скорее в его тотеме, чем в субтотеме, а точнее, даже в совокупности объектов, характеризующих его фратрию. Стало быть, в этих текстах нет ничего, что противоречило бы предшествующим. Классификация в них воспринимается так же; только составляющие ее отношения рассматриваются здесь с другой точки зрения.

II

После того как мы установили существование данного типа классификации, нам необходимо определить, насколько это возможно, его распространенность.

Факты не позволяют нам утверждать, что он встречается во всей Австралии или что он имеет то же распространение, что и племенная организация по фратриям, матримониальным классам и тотемическим кланам. Мы убеждены в том, что если бы его хорошо искали, то он был бы найден, в таком же или в измененном виде, во многих австралийских обществах, где он оставался до сих пор незамеченным; но мы не можем заранее судить о результатах наблюдений, которые не проводились. Тем не менее факты, которыми мы теперь располагаем, позволяют утверждать, что он, несомненно, широко распространен (или был таковым).

Прежде всего, во многих случаях, когда наша форма классификации и не наблюдалась прямо, тем не менее находили (и нам об этом сообщают) вторичные тотемы, на которых, как мы видели, она основана. Это относится, в частности, к островам Торрессова пролива, расположенным по соседству с Британской Новой Гвинеей. У киваи почти все кланы имеют в качестве тотема (мирамара) растительные виды; один из них, клан пальмового дерева (нипа), имеет в качестве вторичного тотема краба, который обитает на дереве, носящем то

же название[227]. На острове Мабуяг (расположенном в западной части Торресова пролива)[228] мы находим организацию кланов на две фратрии: фратрию маленького аугуда (аугуд означает «тотем») и фратрию большого аугуда. Одна является фратрией земли, другая — фратрией воды; одна располагается с подветренной стороны, другая — с наветренной; одна находится на востоке, другая — на западе. Фратрия воды имеет тотемами дюгоня и водяное животное, которое Хэддон называет shovel-nose skate [лопатоносый скат]; тотемы другой, за исключением крокодила, который является земноводным, представляют собой земные животные: змея и казуар[229]. Здесь, очевидно, имеются важные следы классификации. Но, кроме того, Хэддон определенно называет «тотемы второстепенные, или вспомогательные»: молот-рыба, акула, черепаха, скат-хвостик связаны в этом качестве с фратрией воды; собака — с фратрией земли. С последней связаны, кроме того, два других субтотема; это украшения из раковин в форме полумесяца[230]. Поскольку считается, что на этих островах тотемизм повсюду находится в совершенном упадке, то тем более правомерно видеть в этих фактах следы более полной системы классификации. Весьма вероятно, что аналогичная организация встречается и в других местах Торресова пролива и внутренней части Новой Гвинеи. Основопологающий принцип, т. е. деление на фратрии и кланы, сгруппированные три по три, был определенно установлен на Сайбае (остров в проливе) и Даудае[231].

Соблазнительно видеть следы той же самой классификации на островах Мюррей, Мер, Вайер и Дауэр[232]. Не вдаваясь в детали этой социальной организации в том виде, как нам описал ее Хант, мы считаем необходимым обратить внимание на следующий факт. У этих народов существует определенное количество тотемов. И каждый из них придает индивидуам, их носителям, различную власть над различными видами объектов. Так, на людях, имеющих тотемом барабан, лежит обязанность устраивать церемонии, состоящие в подражании собакам и барабанному бое; они снабжают колдунов, ответственных за размножение черепах, обеспечивают урожай бананов, угадывают убийц по движениям ящерицы; наконец, они налагают табу, связанные со змеями. Можно, стало быть, сказать с достаточной степенью правдоподобия, что к клану барабана в некоторых отношениях относятся помимо самого барабана змея, бананы, собака, черепахи, ящерицы. Все эти объекты, по крайней мере частично, принадлежат к одной и той же социальной группе и, следовательно, к одному и тому же классу существ, поскольку оба выражения, в сущности, являются синонимами[233].

Астрономическая мифология австралийцев несет на себе печать той же самой системы мышления. В самом деле, эта мифология, так сказать, отлита в форму тотемической организации. Почти везде туземцы говорят, что такая-то звезда есть такой-то определенный предок[234]. Более чем вероятно, что относительно этой звезды, как и относительно индивида, с которым она отождествляется, должны были указывать, к какой фратрии, к какому классу она принадлежит. Уже самим этим она оказывалась отнесенной к данной группе; родство, определенное место в обществе были ей отведены. Достоверно установлено, что эти мифологические воззрения наблюдаются в австралийских обществах, где мы обнаружили классификацию вещей на фратрии и кланы со всеми ее характерными чертами: в племенах Маунт-Гамбира, у вотьобалуков, в племенах севера Виктории. «Солнце, — говорит Хауитт, — это женщина крокич из клана солнца, отправляющаяся каждый день на поиски своего маленького сына, которого она потеряла»[235]. Бунгил (звезда Фомальгаут

из созвездия Южной Рыбы), прежде чем вознестись на небо, был могучим белым какаду из фратрии крокич. У него было две жены, которые, естественно, вследствие правила экзогамии принадлежали к противоположной фратрии, гамуч. Они были лебедями (вероятно, два субтотема пеликана). Однако они тоже являются звездами[236]. Воивонунг, соседи вотьобалуков[237], верят, что бунгил (название фратрии) поднялся с вихрем на небо вместе со своими сыновьями[238], которые все являются тотемическими существами (людьми и животными одновременно); он Фомальгаут, как у вотьобалуков, и каждый из его сыновей — звезда[239]; двое являются альфой и бетой Южного Креста. Довольно далеко отсюда микулоны Южного Квинсленда[240] относят облака Южного Креста к тотему эму; пояс Ориона у них принадлежит к клану марбарингал, любая падающая звезда — к клану йинбабора. Когда одна из этих звезд падает, она ударяется о дерево гидею и становится деревом того же названия. Это указывает на то, что дерево также было связано с тем же кланом. Луна — древний воин, ни имя, ни класс которого не называют. Небо населено предками воображаемых времен.

Те же самые астрономические классификации используются и у арунта, которых мы сейчас должны будем рассмотреть с другой точки зрения. Для них солнце — женщина из матримониального класса панунга, и фратрия панунга-бултхара ведаёт религиозной церемонией, относящейся к солнцу[241]. Оно оставило на земле потомков, продолжающих перевоплощаться[242] и образующих особый клан. Но эта последняя деталь мифической традиции, вероятно, сформировалась поздно, так как в священной церемонии солнца ведущую роль играют индивиды, принадлежащие к тотемическим группам бандикута и большой ящерицы. Дело в том, что солнце когда-то было панунга из клана бандикута, живущего на земле большой ящерицы. Мы знаем, впрочем, что так же обстоит дело с его сестрами. Поэтому они отождествляются с ним. Оно «их маленький ребенок», «их солнце»; в общем, они являются лишь раздвоением его самого. Луна в двух различных мифах связывается с кланом опоссума. В одном из них она — мужчина из этого клана[243]; в другом она является сама собой, но была похищена у мужчины из этого клана[244], который определил ее путь. Правда, не говорится, из какой она фратрии. Но клан предполагает фратрию или по крайней мере в принципе предполагал ее у арунта. Об утренней звезде нам известно, что она была из класса кумара; она прячется каждый вечер в камне, расположенном на территории «больших ящериц», с которыми она, по всей видимости, находится в тесном родстве[245]. Таким же образом огонь тесно связан с тотемом большого рыжевато-серого кенгуру. Человек из этого клана открыл его в животном, носящем то же имя[246].

Наконец, во многих случаях, когда эти классификации уже не столь очевидны, их можно тем не менее обнаружить, но в форме, отличной от той, которую мы только что описали. Произошли изменения в социальной структуре, вызвавшие изменения в устройстве этих систем, но не настолько, чтобы сделать ее совсем неузнаваемой. К тому же эти изменения отчасти вызваны самими отмеченными классификациями и могли бы способствовать их выявлению.

Последние же отличаются тем, что понятия в них организованы сообразно модели, которая дана обществом. Но, поскольку эта организация коллективного мышления уже существует, она способна реагировать на причину и способствовать ее изменению. Мы видели, как

разновидности объектов, разделенные на классы в клане, служат в нем второстепенными тотемами или субтотемами; это означает, что внутри клана та или иная частная группа индивидов под влиянием неизвестных нам причин почувствовала себя более тесно связанной с теми или иными из объектов, приписанных в целом ко всему клану[247]. Если теперь клан, став чересчур большим, будет иметь тенденцию к сегментации, то она будет происходить в соответствии с рубежами, обозначенными классификацией. В самом деле, не следует думать, что эти деления обязательно являются результатом революционных и бурных движений. Весьма вероятно, что чаще всего они происходят совершенно логично. Во многих случаях именно так уже сложились и разделились на кланы фратрии. Во многих австралийских обществах они противопоставлены друг другу как две противоположности, как белое и черное, как земля и вода у племен Торресова пролива[248]; более того, кланы, которые сформировались внутри каждого из них, поддерживают между собой отношения логического родства. Так, в Австралии редко случается, чтобы клан ворона был не из той же фратрии, что и кланы грома, облаков и воды[249]. Кроме того, когда сегментация клана становится необходимой, именно индивиды, сгруппированные вокруг одного из относимых к клану объектов, отрываются от остальной части, с тем чтобы сформировать независимый клан, и субтотем становится тотемом. Раз начатое движение может к тому же продолжаться по-прежнему, тем же самым образом. Субклан, освободившийся таким образом, в самом деле уносит с собой в свою понятийную сферу помимо объекта, служащего ему тотемом, и некоторые другие, которые считаются связанными с первым. Эти объекты в новом клане исполняют роль субтотемов и могут при определенных условиях также становиться новыми центрами, вокруг которых позднее произойдут новые сегментации.

Вотьобалуки как раз дают нам возможность постичь этот феномен, так сказать, из жизни, в его отношениях с классификацией[250]. Согласно Хауитту, некоторое количество субтотемов является тотемом в стадии формирования[251]. «Они завоевывают некоторую независимость»[252]. Так, для некоторых индивидов белый пеликан — тотем, а солнце — субтотем, тогда как другие классифицируют их противоположным образом[253]. Дело в том, что, вероятно, эти два наименования должны были служить субтотемами двух частей древнего клана, старое имя которого «погибло» и который включал в себя среди приписанных к нему объектов и пеликана, и солнце. Со временем обе части оторвались от своего общего корня: одна приняла в качестве главного тотема пеликана, оставив солнце на втором месте, в другой произошло противоположное перемещение. В иных случаях, когда невозможно столь прямо наблюдать способ осуществления этой сегментации, она становится понятной благодаря логическим связям, объединяющим между собой субкланы, вышедшие из одного и того же клана. Мы ясно видим, что они соответствуют различным видам одного и того же рода. Далее мы четко покажем это на примере некоторых американских обществ[254].

Итак, легко увидеть, какие изменения эта сегментация должна вводить в классификации. Поскольку субкланы, вышедшие из одного и того же исходного клана, сохраняют воспоминание о своем общем происхождении, они чувствуют, что они родственники, союзники, что они лишь части одного и того же целого; поэтому их тотемы и субъекты, классифицированные по этим тотемам, в какой-то мере остаются подчиненными общему тотему всего клана. Но со временем это ощущение притупляется. Независимость каждой части возрастает, и в конце концов они достигают полной автономии. Связи, объединявшие

все эти кланы и субкланы в одну и ту же фратрию, ослабевают еще больше, и все общество в конце концов расплывается на маленькие автономные группы, равные между собой, без всякого соподчинения. Естественно, что соответственно изменяется классификация. Виды объектов, закрепленные за каждым из этих подразделений, составляют столько же отдельных родов, расположенных на одном и том же уровне. Всякая иерархия исчезает. Можно, конечно, себе представить, что некоторые следы ее еще остаются внутри каждого из этих малых кланов. Существа, связанные с субтотемом, ставшим теперь тотемом, продолжают быть подчиненными последнему. Но прежде всего они уже не могут быть очень многочисленными, учитывая дробный характер этих малых групп. Кроме того, если только движение будет продолжаться, каждый субтотем в конце концов будет возвышен до ранга тотема, а каждый вид, каждая подчиненная разновидность станет основным родом. Тогда бывшая классификация уступит место простому делению без всякой внутренней организации, распределению объектов уже поштучно, а не по источникам происхождения. Но в то же время, поскольку она осуществляется между значительным множеством групп, она в итоге включит в себя чуть ли не всю вселенную.

Именно в этом состоянии оказывается общество арунта. У них не существует завершенной классификации, установившейся системы. Но, согласно выражению самих Спенсера и Гиллена, «фактически в местности, занимаемой туземцами, не существует объекта, одушевленного или неодушевленного, который бы не дал свое имя какой-нибудь тотемической группе индивидов»[255]. Мы находим в их работе упоминание 54 видов объектов, служащих тотемами стольким же тотемическим группам; поскольку же эти наблюдатели сами не занимались составлением полного перечня этих тотемов, тот перечень, что мы смогли составить, объединив рассеянные в их книге сведения, несомненно, не является исчерпывающим[256]. Таким образом, племя арунта — одно из тех, в которых процесс сегментации продолжался почти до самого крайнего предела, так как вследствие изменений, произошедших в структуре этого общества, все препятствия, способные его сдерживать, исчезли. Под влиянием причин, указанных здесь же[257], тотемические группы арунта очень рано были вынуждены выйти из естественной рамки своего рода основы, которая первоначально сплачивала их (речь идет о фратрии). Вместо того чтобы оставаться строго локализованной в определенной части племени, каждая из них свободно рассеялась по всему племенному пространству. Ставшие таким образом чуждыми упорядоченной социальной организации, оказавшиеся почти на уровне свободных ассоциаций, они могли множиться, дробиться почти до бесконечности.

Это дробление продолжается даже до сих пор. В действительности существуют объекты, ранг которых в тотемической иерархии не определился, даже по признанию Спенсера и Гиллена: неизвестно, являются ли они основными тотемами или субтотемами[258]. Дело в том, стало быть, что эти группы находятся еще в неустойчивом состоянии, подобно кланам вотьобалуков. С другой стороны, между тотемами, приписанными в настоящее время к независимым кланам, иногда существуют связи, свидетельствующие, что первоначально они должны были относиться к одному и тому же клану. Так обстоит дело с цветком хакеа и дикой кошкой. Знаки, вырезанные на чурингах[259] людей дикой кошки, не изображают ничего другого, кроме деревьев с цветами хакеа[260]. Согласно мифам, в сказочные времена дикие кошки питались цветком хакеа; но известно, что изначальные тотемические группы вообще питались своими тотемами[261]. Дело, стало быть, в том, что эти два рода

объектов не всегда были чужды друг другу, но стали таковыми лишь тогда, когда единый включавший их клан разделился. Клан сливы, вероятно, также является производным от того же самого сложного клана «цветок хакеа — дикая кошка»[262]. Из тотема ящерицы[263] выделились различные виды животных и другие тотемы, в частности тотем карликовой крысы[264]. Можно, следовательно, не сомневаться, что первобытная организация подвергалась обширному воздействию процессов разъединения и дробления, которые даже сейчас еще не завершились.

Если, стало быть, мы уже не находим у арунта полной системы классификации, то не потому, что ее никогда не было; дело в том, что она разлагалась на части по мере того, как дробились кланы. Состояние, в котором она находится, лишь отражает современное состояние тотемической организации в этом же племени — новое доказательство тесной связи, объединяющей между собой эти два ряда фактов. Впрочем, она исчезла, оставив явные следы своего прежнего существования. Мы уже отмечали их пережитки в мифологии арунта. Но еще более явные следы обнаруживаются в том, как существа распределены между кланами. Очень часто к тотему примыкают другие виды объектов, точно так же как в полных классификациях, которые мы рассматривали. Это последний остаток подчиненности. Так, с кланом лягушек особенно тесно сближается камедное дерево[265]; с водой связывается водяная курочка[266]. Мы уже видели, что существуют весьма близкие отношения между тотемом воды и огнем; с другой стороны, с огнем объединяются ветви эвкалипта, красные листья эремофила[267], звук трубы, тепло и любовь[268]. С тотемами крысы джербоа связана борода[269], с тотемом мух — болезни глаз[270]. Чаще всего случается так, что существо, связываемое таким образом с тотемом, является птицей[271]. Медовые муравьи подчинены маленькой черной птичке алатирпа, которая, как и они, водится в кустарниках мульга[272], и другой маленькой птичке — альпиртака, близкой тем же обитателям[273]. Разновидность птиц, называемых типпа-типпа, является союзником ящерицы[274]. Растение, называемое ирриаккура, имеет в качестве дополнения попугая с красной шейкой[275]. Люди из клана гусеницы вичетти не едят некоторых птиц, которых называют своими сотрапезниками (куатпхари, что Спенсер и Гиллен переводят как inmates [здесь — сотрапезники])[276]. Тотем кенгуру имеет в своем подчинении два вида птиц[277], и так же обстоит дело с гигантским кенгуру[278]. Завершает доказательство того, что эти связи определенно являются остатками древней классификации, тот факт, что существа, присоединяемые таким образом к другим существам, когда-то принадлежали к тому же тотему, что и последние. Птицы картвунгавунга, согласно легенде, были некогда людьми кенгуру и ели кенгуру. Оба вида, связанные с тотемом медового муравья, когда-то были медовыми муравьями. Унчурунки, маленькие птички с красным оперением, первоначально принадлежали к клану гигантского кенгуру. Четыре вида ящериц сводятся к двум парам, где один является одновременно союзником и измененной формой другого[279].

Наконец, последним доказательством того, что у арунта мы действительно имеем дело с измененной формой древних классификаций, служит то обстоятельство, что можно обнаружить серию промежуточных состояний, через которые эта организация почти без перехода примыкает к классическому типу Маунт-Гамбира. У северных соседей арунта, чингилли[280], живущих на северной территории Южной Австралии (залив Карпентария), мы находим, как и у самих арунта, чрезвычайную рассредоточенность объектов между очень многочисленными, т. е. очень раздробленными, кланами; там выделяют 59 различных

тотемов. Так же как и у арунта, тотемические группы перестали классифицироваться по фратриям; каждая из них смешивается с обеими фратриями, на которые делится племя. Но диффузия здесь не является столь же полной. Вместо того чтобы случайно и беспорядочно рассеяться на всем пространстве общества, они распределились в соответствии с четкими принципами, локализовались в определенных, хотя и различных, группах фратрии. В самом деле, каждая фратрия разделена на восемь матримониальных классов[281]; стало быть, каждый класс одной фратрии может заключать брак только с определенным классом другой, которая включает в себя или может включать те же тотемы, что и первая. Будучи объединены, эти два соответствующих друг другу класса содержат, следовательно, определенную группу тотемов и объектов, которые не встречаются в других местах. Например, двум классам Чонгора — Чабалие принадлежат всевозможные голуби, муравьи, осы, москиты, многоножки, местная пчела, трава, кузнечик, разнообразные змеи и т. д.; группе, образованной классами Чован и Човардинг, присвоены некоторые звезды, солнце, облака, дождь, водяная курочка, ибис, гром, крупный сокол и коричневый сокол, черная утка и т. д.; группе Чамбин-Чангалла — ветер, молния, луна, лягушка и т. д.; группе Чагарра-Чуарру — раковины, крыса билби, ворон, дикобраз, кенгуру и т. д. Таким образом, в каком-то смысле объекты еще распределены по определенным ячейкам, но последние уже содержат в себе нечто более искусственное и менее устойчивое, поскольку каждая из них образовалась из двух частей, происходящих от двух различных фратрий.

Вместе с другим племенем той же местности мы сделаем сейчас еще один шаг на пути к организации и систематизации. У мурравари, живущих на побережье реки Калгоа[282], дробление кланов продвинулось еще дальше, чем у арунта. Действительно, нам известно здесь 152 вида объектов, служащих тотемами для столь различных кланов. Но это бесчисленное множество объектов постоянно размещается в рамках двух фратрий: Иппаи-Кумбо и Куби-Мурри[283]. Стало быть, мы в данном случае совсем близки к классическому типу, если не считать раздробленности кланов. Если общество, вместо того чтобы до такой степени рассеиваться, будет концентрироваться, если разделенные таким образом кланы соединятся в соответствии со своими естественными узами так, что образуют более обширные группы, если вследствие этого количество основных тотемов уменьшится (другие объекты, служащие сейчас тотемами, займут по отношению к ним подчиненное место), то мы вновь в точности обнаружим систему Маунт-Гамбира.

В итоге, если у нас и нет оснований сказать, что этот способ классифицировать объекты с необходимостью содержится в тотемизме, то во всяком случае несомненно, что он встречается очень часто в обществах, организованных на тотемической основе. Существует, следовательно, тесная связь, а не случайное отношение между этими социальной и логической системами. Посмотрим теперь, как к этой первобытной форме классификации могут примыкать другие, представляющие более высокую степень сложности.

III

Один из наиболее примечательных примеров дают нам зуньи[284].

Зуны, по словам Пауэлла[285], «дают пример необычного развития первобытных воззрений, касающихся отношений между объектами». У них понятие общества о самом себе и его представление о мире настолько переплелись и смешались, что их организацию очень точно можно квалифицировать как «мифосоциологическую»[286]. Кэшинг поэтому не преувеличивает, когда, говоря о своих исследованиях этого народа, пишет: «Я убежден, что они имеют важное значение для истории человечества..., так как зуны с их столь удивительно локальными обычаями и институтами, с традициями, связанными с этими обычаями, представляют определенную фазу цивилизации». И он счастлив, что контакт с ними «как ничто другое расширило его понимание древнейшего состояния человечества»[287].

Действительно, у зуны мы обнаруживаем «подлинный вселенский порядок»[288]. Все природные существа и явления, «солнце, луна, звезды, небо, земля и море вместе со всеми их явлениями и элементами, неживые предметы, так же как и растения, животные и люди», классифицированы, снабжены ярлыком, приписаны к определенному месту в единой и связной «системе», все части которой согласованы и подчинены друг другу по «степеням родства»[289].

Эта система в том виде, как она представляется нам в настоящее время, основана на разделении пространства на семь областей: Север, Юг, Запад, Восток, Зенит, Надир и, наконец, Середина. Все объекты вселенной распределены между этими семью областями. Если говорить только о временах года и элементах, то к Северу приписаны ветер, дыхание или воздух, а в качестве времени года — зима; к Западу — вода, весна, влажные весенние ветры; к Югу — огонь и лето; к Востоку — земля, почвенные семена, морозы, способствующие созреванию семян и завершающие год[290]. Пеликан, журавль, куропатка, шалфейный рябчик, зеленый дуб и т. д. являются объектами Севера; медведь, койот, весенняя трава — объектами Запада. К Востоку относятся лань, антилопа, индейка и т. д. Не только объекты, но и социальные функции распределены таким же образом. Север — это область силы и разрушения; ему принадлежат война и уничтожение; Западу принадлежат мир, согласие (мы толкуем так английское слово *warsecure*, которое не очень хорошо понимаем) и охота; Югу, области тепла, — земледелие и медицина; Востоку, области солнца, — магия и религия; верхнему и нижнему мирам приписываются разнообразные сочетания этих функций[291].

За каждой областью закреплен определенный характеризующий ее цвет. Север желтый, потому что, как говорят[292], на восходе и закате солнца свет там желтый; Запад голубой по причине голубизны света, видимого там на закате солнца[293]. Юг красный, потому что это область лета и огня, обладающего красным цветом. Восток белый, потому что это цвет дня. Верхние области — пестрые, как игра света в облаках; нижние области — черные, как глубины земли. Что касается Середины, пупа земли, представляющего все области, то она одновременно содержит в себе все цвета.

До сих пор складывается впечатление, что мы сталкиваемся с классификацией, совершенно отличной от тех, которые мы исследовали вначале. Но существование тесной связи между этими двумя системами уже позволяет предсказать, что это распределение миров — совершенно то же самое, что и распределение кланов внутри пуэбло. «Последний также

разделен на семь частей, не всегда очевидным образом, однако туземцы находят все это очень ясным. Эти части соответствуют семи поясам мира — может быть, не с точки зрения топографического размещения, но по порядку перечисления. Так, одно подразделение считается состоящим в связи с Севером...; другое представляет Запад, третье — Юг и т. д.»[294]. Связь настолько тесная, что каждый из кварталов пуэбло имеет свой отличительный цвет, подобно областям, и цвет этот есть цвет соответствующей области.

Каждое из этих подразделений представляет собой группу из трех кланов, за исключением того, что расположено в центре и состоит только из одного клана; «все эти кланы, — говорит Кэшинг, — являются тотемическими, как и все кланы других индейцев»[295]. Мы приводим их полный перечень, так как придется к нему обращаться для понимания последующих наблюдений[296].

На Севере — кланы журавля — или пеликана, куропатки — или шалфейного рябчика, желтого леса — или зеленого дуба (почти исчезнувший клан). На Западе — кланы медведя, койота (собаки прерий), весенней травы.

На Юге — кланы табака, маиса, барсука.

На Востоке — кланы лани, антилопы, индейки.

В Зените — кланы солнца (погасшего), орла, неба.

В Надире — кланы лягушки, или жабы, гремучей змеи, воды.

В Центре — клан попугая макао, составляющий клан точной середины.

Связь между распределением кланов и распределением существ по областям представится еще более очевидной, если вспомнить, что вообще всякий раз, когда мы встречаем различные кланы, сгруппированные вместе, так что они образуют определенное моральное единство, можно почти быть уверенным, что они произошли от одного и того же первоначального клана путем дробления. Стало быть, если применить это правило к зуньи, то отсюда следует, что в истории этого народа должно было существовать время, когда каждая из шести групп трех кланов составляла единый клан, когда, следовательно, племя было разделено на семь кланов[297], точно соответствовавших семи областям. Эта гипотеза, весьма правдоподобная уже благодаря этому общему соображению, к тому же определенно подтверждается одним, несомненно, древним устным источником[298]. Мы находим в нем список шести великих жрецов, которые в важном религиозном братстве «ножа» представляют шесть групп кланов. Итак, жрец, хозяин Севера, назван там первым в племени медведей; хозяин Запада — первым в племени койота; хозяин Юга — первым в племени барсука; хозяин Востока — первым в племени индейки; хозяин верха — первым в племени орла; хозяин низа — первым в племени змеи[299]. Если обратиться к перечню кланов, то мы увидим, что шесть животных, к виду которых принадлежат, таким образом, шесть великих жрецов, служат тотемами для шести кланов и что эти шесть кланов помещены в пространстве точно так же, как соответствующие животные, за исключением лишь медведя, который в более поздних классификациях помещен среди существ Запада[300]. Они принадлежат, стало быть (по-прежнему с этой единственной оговоркой),

стольким же различным группам. Поэтому каждый из этих кланов наделен настоящим верховенством внутри своей группы; он, очевидно, рассматривается как ее представитель и глава, поскольку именно в нем взят персонаж, которому фактически доверено это представительство. Это означает, что он является первичным кланом, из которого другие кланы той же группы выделились путем деления. Это распространенное явление у пуэбло (и даже в других местах), когда первый клан фратрии является в ней также и исходным кланом[301].

Более того, деление объектов по областям и разделение общества по кланам не только точно соответствуют друг другу, но и безнадежно переплетены и смешаны. Можно с равным основанием сказать, что объекты сгруппированы на Севере, на Юге и т. д. или же в кланах Севера, Юга и т. д. Это особенно очевидно в отношении тотемических животных; они явно классифицируются в своих кланах и одновременно в определенной области[302]. Так обстоит дело со всеми объектами и даже социальными функциями. Мы видели, как они распределены между местностями[303]; однако это распределение реально сводится к разделению между кланами. Эти функции в действительности в настоящее время выполняются религиозными братствами, которые во всем, что касается этих различных обязанностей, заместили кланы. А братства рекрутируются если не исключительно, то по крайней мере в основном в кланах, приписанных к тем же областям, что и соответствующие функции[304]. Так, общества ножа, ледяной палки и кактуса, составляющие военные братства, сгруппированы «не абсолютно строго, но в принципе» в кланах Севера; в кланах Запада набираются духовенство, лучники и охотники; в кланах Востока — «жрецы жречества», жрецы тюфяка из хлопка и птицы-чудовища, которые образуют братство большого танцевального действия (магического и религиозного); в кланах Юга, обществах большого огня или горящих углей, функции определено не указаны, но несомненно должны быть связаны с земледелием и врачеванием[305]. Одним словом, если выражаться точно, то можно сказать, что существа классифицируются не по кланам и не по местностям, но по кланам, относимым к определенной местности.

Неверно, стало быть, считать, что эту систему и австралийскую разделяет пропасть. Как ни различны в принципе классификация по кланам и классификация по местоположению, у зуны они налагаются одна на другую и точно перекрывают друг друга. Мы можем даже пойти дальше. Многие факты доказывают, что именно классификация по кланам наиболее древняя, и она явилась как бы моделью, по которой сформировалась другая классификация.

1. Пространственное деление мира не всегда было таким, каким оно стало с некоторых пор. У него есть история, основные фазы которой можно восстановить. До деления на семь областей, несомненно, существовало деление на шесть, следы которого мы еще находим[306]. А до деления на шесть существовало деление на четыре, соответствующее четырем странам света. Именно этим объясняется тот факт, что зуны различали только четыре элемента, расположенные в четырех областях[307].

И по крайней мере весьма примечательно, что этим разновидностям классификации по местоположениям соответствуют другие, строго параллельные, в классификациях по кланам. Часто обсуждается вопрос о делении на шесть кланов, очевидно предшествовавшем делению на семь: именно так получается, что кланов, среди которых

отбираются великие жрецы, представляющие племя в братстве ножа, насчитывается шесть. Наконец, самому делению на шесть предшествовало деление на два первичных клана или фратрии, которые охватывали все племя; этот факт далее будет установлен[308]. Однако деление племени на две фратрии соответствует картине местоположений, разделенной на четыре части. Одна фратрия занимает Север, другая — Юг, а между ними, для отделения их друг от друга, существует линия, идущая с Востока на Запад. Мы отчетливо увидим у сиу связь, объединяющую данную социальную организацию с этим различием четырех стран света.

2. Классификация по местоположениям более или менее поздно наслои́лась на классификацию по кланам, об этом явно свидетельствует тот факт, что ей удалось приспособиться к последней лишь с трудом и с помощью компромисса. Если придерживаться принципа, на котором базируется первая система, то каждый вид существ должен был бы весь целиком быть отнесен к определенной области и только в единственном числе: например, все орлы должны были бы принадлежать верхней области. Однако в действительности зуны знали, что орлы существуют во всех областях. Тогда предположили, что каждый вид имеет предпочтительное место обитания, что там, и только там он существует в своей особой и совершенной форме. Но одновременно с этим предположили, что тот же самый вид в других областях имеет своих представителей, но меньших, менее совершенных и отличающихся друг от друга тем, что каждый имеет цвет, характерный для области, к которой он приписан; так, помимо орла, локализованного в Зените, существуют орлы-фетиши для всех районов: желтый, синий, белый, черный[309]. Каждый из них обладает в своей области всеми свойствами, приписываемыми орлу вообще. Можно воспроизвести ход мысли зуны, приведший их к этой сложной системе мировосприятия. Вначале объекты классифицировались по кланам; каждый животный вид был поэтому целиком приписан к определенному клану. Это тотальное отнесение не вызывало никаких затруднений, так как не было никакого противоречия в том, что целый вид воспринимался как поддерживающий родственную связь с той или иной человеческой группой. Но когда классификация по местоположениям установилась, особенно когда она наслои́лась на другую, такое положение стало невозможным: факты слишком явно противоречили исключительно узкой локализации. Поэтому возникла необходимость в том, чтобы вид, оставаясь сосредоточенным главным образом в одном-единственном месте, как в прежней системе, в то же время дифференцировался таким образом, чтобы иметь возможность рассеиваться во вторичных формах, в разнообразных аспектах и во всех направлениях.

3. Во многих случаях установлено, что объекты классифицируются или классифицировались в определенный момент в прошлом прямо по кланам и только через посредство последних связывались с соответствующими им местоположениями.

Прежде всего, пока каждый из шести первоначальных кланов был еще не разделенным, объекты, ставшие потом тотемами новых сформировавшихся кланов, должны были, очевидно, принадлежать первоначальному клану в качестве субтотемов и быть подчиненными тотему этого клана. Они были его видами.

Та же непосредственная подчиненность еще и сегодня обнаруживается в отношении определенной категории существ, в частности в отношении дичи. Все виды дичи распределены по шести классам, и каждый из этих классов рассматривается как находящийся в зависимости от определенного хищного животного. Животные, которым присвоена эта прерогатива, обитают каждый в своем районе. Это: на Севере — пума, она желтая; на Западе — медведь, он темный; на Юге — барсук, белый и черный[310]; на Востоке — полярный волк; в Зените — орел; в Надире — крот, черный, как земные глубины. Души этих животных обитают в небольших скоплениях камней, рассматриваемых как их формы, которые при случае приобретают характерную для них окраску[311]. Например, от медведя зависят койот, горный баран и др.[312] Учитывая это, если хотят обеспечить себе успешную охоту на койотов или поддержать специфическую способность вида, используют фетиш медведя согласно определенным обрядам[313]. И весьма примечательно, что из этих шести животных трое еще служат тотемами для существующих кланов и помещаются в пространстве так же, как сами эти кланы; это медведь, барсук и орел. С другой стороны, пума — это лишь заместитель койота, который некогда был тотемом одного из кланов Севера[314]. Когда койот перешел на Запад, он оставил один из родственных ему видов, который заменил его на Севере. Стало быть, существовало время, когда четыре из этих главных животных были тотемическими. Что касается крота и полярного волка, надо заметить, что ни одно из существ, служащих тотемами для кланов соответствующих двух областей (Восток и Надир), не является хищным животным[315]. Надо было, следовательно, найти им замены.

Таким образом, различные виды дичи считаются прямо подчиненными тотемами или заместителями тотемов. Только через последних они связываются соответствующими им местностями. Следовательно, дело в том, что классификация объектов по тотемам, т. е. по кланам, предшествовала другой классификации.

Те же мифы обнаруживают это первенство в происхождении еще с одной точки зрения. Шесть хищных животных приставлены не только к дичи, но и к шести областям: за каждым из них одна из шести частей света закреплена, и оно должно ее охранять[316]. Именно через его посредничество существа, расположенные в его области, сообщаются с богом, создателем людей. Область и все, что к ней относится, следовательно, воспринимаются как находящиеся в некотором отношении зависимости от тотемных животных. А это никогда не могло бы произойти, если бы классификация по местностям была исходной.

Таким образом, за классификацией по областям, которая на первый взгляд казалась единственной, мы находим другую, целиком тождественную тем классификациям, которые мы уже наблюдали в Австралии. Это тождество даже более полное, чем может показаться на основании предшествующего изложения. Не только объекты некогда классифицировались по кланам, но сами эти кланы классифицировались по двум фратриям точно так же, как в австралийских обществах. Это с очевидностью следует из мифа, изложенного нам Кэшингом[317]. Первый великий жрец и маг, рассказывают зуны, принес только что пришедшим в мир людям две пары яиц: одна была темно-синего цвета, великолепного, как цвет неба; другая была темно-красная, как земля-мать. Он сказал, что в одной паре было лето, а в другой — зима, и предложил людям выбрать. Выбравшие первыми предпочли синие; они радовались, пока у птенцов не было видно перьев. Но когда

перья выросли, они стали черными; это были вороны, потомки которых, настоящий бич, улетели на Север. Те, кто выбрал красные яйца, увидели рождение блестящего попугая макао; они получили во владение семена, тепло и мир. «Так, — продолжает миф, — наш народ оказался разделенным между людьми зимы и людьми лета... Одни стали попугаями макао, родственниками попугая макао, или мула-кве, другие стали воронами, или ка-ка-кве»[318]. Таким образом, общество началось с разделения на две фратрии, расположенные одна на севере, другая на юге; одна из них имела тотемом ворона, который исчез, другая — попугая макао, который по-прежнему существует[319]. Мифология сохранила даже воспоминание о разделении каждой фратрии на кланы[320]. В соответствии со своей сущностью, своими вкусами и установками люди Севера, или ворона стали, согласно мифу, людьми медведя, людьми койота, лани, журавля и т. д.; то же самое произошло с людьми Юга и попугая макао. А когда кланы образовались, они разделили между собой различные разновидности объектов: например, лосям стали принадлежать семена града, снега; кланам жабы — семена воды и т. д. Это еще одно доказательство того, что вещи начали классифицироваться по кланам и тотемам.

Итак, из предшествующего изложения можно сделать вывод, что система зуньи[321] в действительности представляет собой развитие и усложнение австралийской системы. Но окончательно доказывает реальность этой связи то, что можно обнаружить промежуточные состояния, связывающие крайние, и таким образом уловить, как вторая система отделилась от первой.

Племя сиу из группы омаха, по описанию Дорси[322], находится как раз в таком промежуточном положении: классификация объектов по кланам здесь и теперь (и особенно в прошлом) выражена очень ярко, но систематизированное представление об областях находится только в стадии формирования.

Племя разделено на две фратрии, каждая из которых состоит из пяти кланов. Эти кланы пополняются исключительно по линии мужского потомства; это значит, что собственно тотемическая организация, культ тотема здесь находятся в упадке[323]. Каждый из них, в свою очередь, подразделяется на субкланы, которые иногда сами еще делятся. Дорси не говорит нам, что эти различные группы распределяют между собой все объекты в этом мире. Но если классификация и не является (возможно, никогда и не была) действительно исчерпывающей, то по крайней мере в прошлом она должна была быть весьма обширной. Именно это демонстрирует исследование единственного клана, сохранившегося полностью[324]; это клан чатада, составляющий часть первой фратрии. Мы оставим в стороне другие кланы, которые, вероятно, деформировались, но, впрочем, могли бы представить нам те же явления, но в менее сложном виде.

Значение слова, обозначающего этот клан, неясно; но у нас есть весьма полный перечень объектов, которые к нему относятся. Он включает в себя четыре субклана, которые сами разделены на части[325]

Первый субклан — это субклан черного медведя. В него входят черный медведь, енот-полоскун, медведь гризли, дикобраз, являющиеся, вероятно, тотемами отдельных частей.

Вторым субкланом является субклан «людей, которые не едят мелких птиц». У них в зависимости находятся: 1) соколы; 2) черные птицы, которые, в свою очередь, подразделяются на птиц с белыми головами, с красными головами, желтыми головами и с красными крыльями; 3) черно-серые птицы, или «люди грома», которые делятся, в свою очередь, на луговых жаворонков и рябчиков прерий; 4) совы, которые сами делятся на больших, малых и средних.

Третий субклан — субклан орла; он включает в себя прежде всего три вида орлов, а четвертая часть, вероятно, не относится к определенной категории объектов; она называется «работники».

Наконец, четвертый субклан — это субклан черепахи. Он связан с туманом, который его члены способны задерживать[326]. Черепахе как роду подчинены четыре отдельных вида того же животного.

Поскольку есть основания считать, что этот пример не единственный, что многие другие кланы должны были обладать сходными делениями и подразделениями, можно выдвинуть не слишком смелое предложение, что система классификации, до сих пор наблюдаемая у омаха, некогда обладала большей сложностью, чем сегодня. Так, наряду с распределением объектов, подобным тому, которое мы установили в Австралии, мы видим появление понятий ориентации, хотя и в рудиментарной форме.

Когда племя располагается на стоянку, селение принимает форму круга, а внутри этого круга каждая частная группа имеет определенное место. Обе фратрии находятся соответственно справа и слева от дороги, которой проследовало племя, при этом место отправления служит ориентиром. Внутри полукруга, занимаемого каждой фратрией, кланы, в свою очередь, четко локализованы по отношению друг к другу, и так же обстоит дело с субкланами. Отводимые им места меньше зависят от их родства, чем от социальных функций и, следовательно, от природы зависимых от них объектов, на которые, как предполагается, будет распространяться их воздействие. Так, в каждой фратрии существует клан, поддерживающий особые связи с громом и войной, один из них — это клан лося, другой — клан иктасанда. И располагаются они напротив друг друга у входа в селение, который должны охранять, впрочем, скорее ритуально, чем реально[327]. Именно по отношению к ним другие кланы также располагаются согласно тому же принципу. Объекты, стало быть, оказываются расположенными внутри селения тем же способом, что и социальные группы, к которым они приписаны. Пространство распределено между кланами и между существами, событиями и т. д., которые относятся к этим кланам. Но мы видим, что распределяется таким образом не мировое пространство, а лишь то пространство, которое занято племенем. Ориентация кланов и объектов осуществляется еще не по странам света, а просто по отношению к центру селения. Деления соответствуют не местностям в собственном смысле, а переднему и заднему, правому и левому, исходя из этой центральной точки[328]. Более того, эти особые деления закреплены за кланами, а отнюдь не кланы закреплены за ними, как это было у зуньи.

В других племенах сиу понятие пространственной ориентации выражено более четко. Как и омаха, оседжи делятся на две фратрии, расположенные одна справа, другая слева[329], но

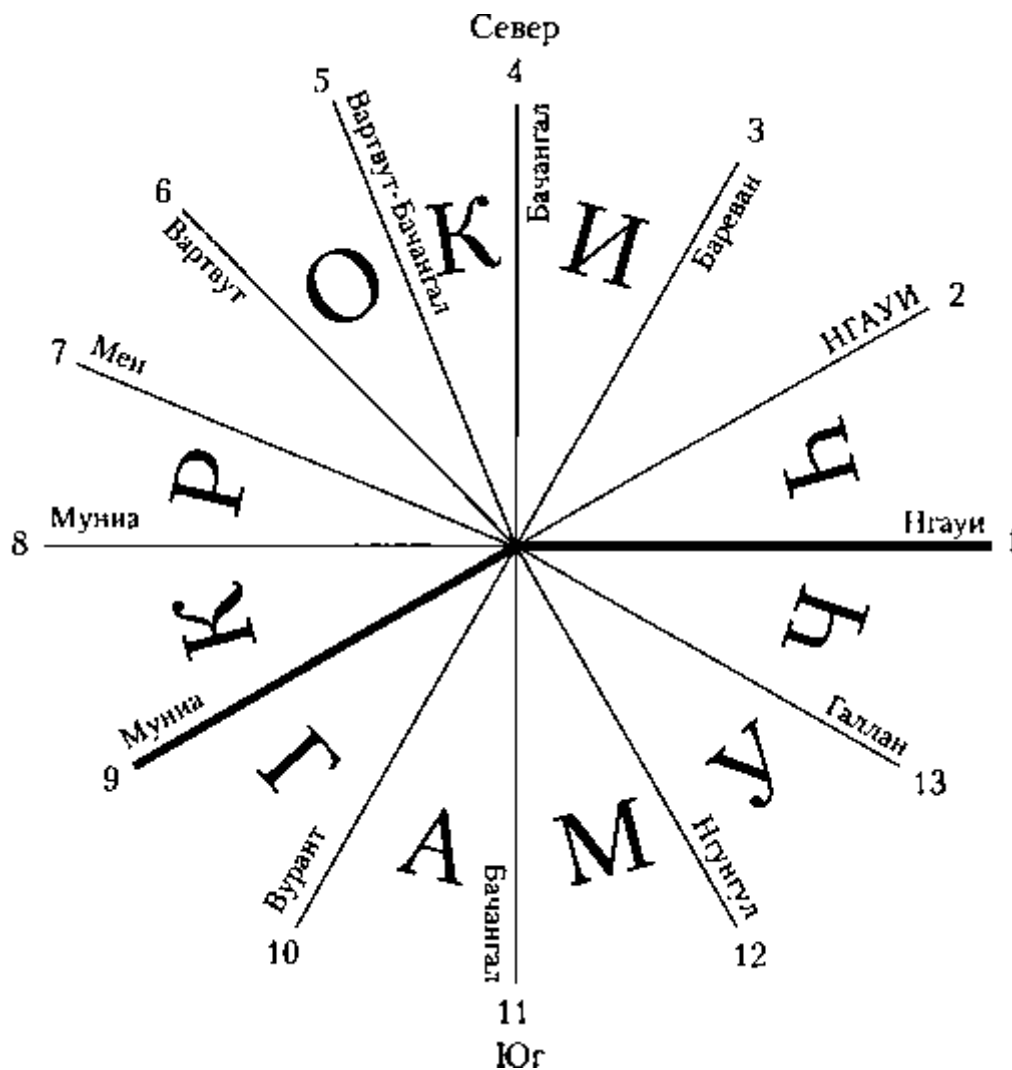
в то время как у первых функции обеих фратрий смешивались в некоторых моментах (мы видели, что и в одной, и в другой есть клан войны и грома), здесь они четко различаются. Одной половине племени поручена война, другой — мир. Отсюда с необходимостью следует более точная локализация объектов. У канза мы находим ту же организацию. Кроме того, каждый из кланов и субкланов поддерживает определенную связь с четырьмя странами света[330]. Наконец, у понка[331] мы продвигаемся еще дальше. Как и у предыдущих племен, круг, образованный племенем, разделен на две равные части, соответствующие двум фратриям. С другой стороны, каждая фратрия включает в себя четыре клана, которые в то же время совершенно естественно сводятся к двум двойникам, так как один и тот же характерный элемент присущ двум кланам одновременно. Отсюда вытекает следующее расположение людей и объектов. Круг разделен на четыре части. В первой, слева от входа, находятся два клана огня (или грома); в части, расположенной позади, — два клана ветра; в первой части справа — два клана воды; позади — два клана земли. Каждый из четырех элементов локализован, таким образом, точно в одном из четырех секторов целого круга. Поэтому достаточно, чтобы ось этого круга совпала с одной из двух осей розы ветров, чтобы кланы и объекты были пространственно сориентированы по отношению к странам света. Известно ведь, что в этих племенах вход в селение, как правило, обращен к западу[332].

Но эта пространственная ориентация (впрочем, отчасти гипотетическая) остается еще косвенной. Вторичные группы племени вместе со всем, что от них зависит, расположены в участках селения, которые более или менее четко ориентированы, но ни в одном из этих случаев не говорится, что такой-то клан поддерживает определенное отношение с такой-то частью пространства вообще. Речь идет еще только о племенном пространстве; в данном случае, стало быть, мы по-прежнему достаточно далеки от зуньи[333]. Чтобы приблизиться к ним, нам придется покинуть Америку и вернуться в Австралию. Именно в одном из австралийских племен мы отчасти найдем то, чего не хватает у сиу, — новое и решающее доказательство того, что различия между американской системой и австралийской системой, как мы их до сих пор называли, не связаны исключительно с локальными причинами и имеют между собой немало общего.

Этим племенем является племя вотьобалуков, которое мы уже исследовали. Правда, Хауитт, которому мы обязаны этими сведениями, не говорит нам, что страны света не играют никакой роли в классификации объектов, и у нас нет никаких оснований подвергать сомнению точность его наблюдений в этом вопросе. Но что касается кланов, можно не сомневаться: каждый из них отнесен к определенному пространству, которое действительно является его пространством. И на сей раз речь идет уже не об участке селения, но об ограниченной части горизонта вообще. Каждый клан, таким образом, может быть расположен на розе ветров. Связь между кланом и его пространством даже настолько тесна, что захоронение его членов должно осуществляться в направлении, которое определяется таким образом[334]. «Например, вартвут, теплый ветер[335], хоронится так, что голова его направлена немного к северо-западу, т. е. туда, откуда дует теплый ветер в их местности». Людей солнца хоронят по направлению к восходу солнца и так всех подряд[336].

Это деление пространств столь тесно связано с наиболее существенными чертами социальной организации данного племени, что Хауитт сумел усмотреть в нем

«механический метод, используемый вотьюбалуками, чтобы сохранять и представлять картину их фратрий, тотемов, их отношений с этими различными группами и между собой»[337]. Два клана не могут быть родственными, не будучи тем самым отнесены к двум соседним участкам пространства. Именно это демонстрирует помещенная здесь схема[338], которую Хауитт построил по указаниям одного туземца, причем весьма умного.

Последний, чтобы описать организацию племени, начал с того, что положил палку, точно направленную к востоку, так как нгауи, солнце, — главный тотем, и именно по отношению к нему определяются все остальные. Иными словами, клан солнца и направление восток — запад, вероятно, задали общую ориентацию обеих фратрий — крокич и гамуч; первая расположена над линией восток — запад, другая — под ней. Фактически (на схеме это можно увидеть) фратрия гамуч целиком находится на юге, другая почти целиком — на севере. Только один клан крокич, клан 9, выходит за линию восток — запад, и есть все основания считать, что это отклонение связано либо с ошибкой в наблюдении, либо с более или менее поздним изменением первоначальной системы[339]. Это были бы, таким образом, фратрия Севера и фратрия Юга, совершенно сходные с теми, которые мы установили в других обществах. Линия Север — Юг очень точно определяется в северной части кланом пеликана фратрии крокич, а в южной части — кланом фратрии гамуч, носящим то же название. Таким образом, имеется четыре сектора, в которых локализуются другие кланы. Как и у омаха, порядок, согласно которому они располагаются, выражает отношения

родства, существующие между их тотемами. Пространства, разделяющие родственные кланы, носят название первичного клана, частями которого являются другие кланы. Так, кланы 1 и 2, как и промежуточное пространство, называются «принадлежащие солнцу»; кланы 3 и 4, так же как и включенный в них участок, относятся «целиком к белому какаду». Поскольку белый какаду является синонимом солнца, как мы уже показали, можно сказать, что весь сектор, идущий от Востока до Севера, относится к солнцу. Так же и кланы с 4-го по 9-й, т. е. расположенные от Севера до Запада, все являются частями пеликана первой фратрии. Мы видим, насколько упорядоченно объекты подвергаются пространственной ориентации.

В итоге мы не только имеем основания считать, что там, где оба типа классификации сосуществуют, как у зуни, классификация по кланам и по тотемам самая древняя. Мы смогли также проследить на примере различных рассмотренных только что обществ, каким образом вторая система произошла из первой и добавилась к ней.

В обществах, организация которых имеет тотемический характер, общим правилом является то, что вторичные группы племени, фратрии, кланы, субкланы располагаются в пространстве в соответствии с их родственными отношениями, сходствами и различиями в их социальных функциях. Поскольку обе фратрии имеют различные индивидуальности, поскольку каждая играет различную роль в жизни племени, они противостоят друг другу пространственно; одна поселяется с одной стороны, другая — с другой; одна ориентирована в одном направлении, другая — в противоположном. Внутри каждой фратрии кланы тем ближе или, наоборот, дальше по отношению друг к другу, чем более родственны или чужды в отношении друг друга объекты, находящиеся в их ведении. Существование этого правила было весьма очевидно в обществах, о которых мы говорили. Действительно, мы видели, как у зуни внутри пуэбло каждый клан ориентирован в направлении области, которая к нему приписана; как у сиу обе фратрии с функциями, различными, насколько это возможно, расположены одна слева, другая справа, одна на Востоке, другая на Западе. Но такие же или подобные факты обнаруживаются во многих других племенах. Это двойное противопоставление фратрий и в отношении функции, и в отношении размещения отмечается также у ирокезов[340], у виандотов[341], у семиолов, пришедшего в упадок племени во Флориде[342], у тлинкитов, у индейцев лушей, или денединджие, самых северных, самых деградировавших, но одновременно и самых первобытных из индейцев[343]. В Меланезии взаимное размещение фратрий и кланов определяется не менее строго. Достаточно, впрочем, вспомнить уже приводившийся факт деления этих племен на фратрию воды и фратрию земли, одна из которых располагается с подветренной, другая — с наветренной стороны[344]. Во многих меланезийских обществах это двоичное деление даже составляет все, что осталось от древней организации[345]. В Австралии многократно отмечали те же самые явления локализации. Даже тогда, когда члены каждой фратрии рассеяны по многочисленным локальным группам, внутри каждой из них они располагаются напротив друг друга в поселении[346]. Но особенно очевидны эти расположения, так же как и вытекающие из них пространственные ориентации, в собраниях племени в целом. Это характерно главным образом для арунта. К тому же мы находим у них понятие особой ориентации, мифического направления, приписываемого каждому клану. Клан воды относится к пространству, которое считается водным[347]. В направлении мифического селения, где, как считается, жили сказочные предки, алчеринга, определяют

местонахождение умершего. Направление селения мифических предков матери учитывается во время некоторых религиозных церемоний (протыкание носа, вышибание верхнего резца)[348]. У кулин и во всей группе племен, обитающих на побережье Нового Южного Уэльса, кланы в племенных собраниях размещаются в соответствии с участком горизонта, откуда они приходят[349].

Установив это, легко понять, как утвердилась классификация по местностям. Вначале объекты классифицировались по кланам и тотемам. Но узкая локализация кланов, о которой мы только что говорили, неизбежно породила соответствующую локализацию объектов, приписанных к кланам. С того момента, как, например, люди волка относятся к какому-то участку селения, то же самое с необходимостью происходит со всякого рода вещами, относимыми к тому же тотему. Затем, когда селение окончательно определяет свою пространственную ориентацию, и ориентация всех его частей одновременно определяется вместе со всем их содержимым, вещами и людьми. Иначе говоря, все объекты природы отныне будут восприниматься как поддерживающие определенные связи со столь же определенными частями пространства. Несомненно, только племенное пространство делится и распределяется таким образом. Но подобно тому, как племя составляет для первобытного человека все человечество, подобно тому, как предок — основатель племени является отцом и создателем людей, понятие селения отождествляется с понятием мироздания[350]. Селение — центр вселенной, и вся вселенная в уменьшенном виде находится в нем. Мировое пространство и племенное пространство различаются поэтому весьма несовершенно, и ум переходит от одного к другому беспрепятственно, почти неосознанно. И таким образом объекты вообще оказываются отнесенными к тем или иным местностям. Тем не менее, пока оставалась в силе организация по фратриям и кланам, классификация по кланам господствовала; объекты связывались с областями посредством тотемов. Мы видели, что так было еще у зуны, по крайней мере с некоторыми существами. Но стоит этим на редкость иерархизированным тотемическим группировкам исчезнуть и смениться локальными группировками, просто находящимися рядом друг с другом, как вместе с тем классификация по местностям станет отныне единственно возможной[351].

Итак, оба только что изученных нами типа классификации выражают в различных аспектах сами общества, внутри которых они развились; первая моделировалась в соответствии с юридической и религиозной организацией племени, вторая — в соответствии с его морфологической организацией. Когда речь заходила об установлении родственных связей между вещами, о формировании все более и более обширных семейств существ и явлений, опирались на понятия, которые поставляли семья, клан, фратрия, исходили из тотемических мифов. Когда возникла проблема установления связей между пространствами, именно пространственные отношения, которые люди поддерживают внутри общества, послужили ориентиром. Здесь понятийная рамка была обеспечена самим кланом, там — материальной меткой, которую клан сделал на поверхности земли. Но и та и другая рамки — социального происхождения.

Нам остается теперь описать, по крайней мере в основных чертах, последний тип классификации, который обладает всеми основными признаками предшествующих, кроме того, что он независим от всякой социальной организации с тех пор, как известен. Лучший пример такого рода, наиболее примечательный и поучительный, дает нам астрономическая, астрологическая, геомантическая[352] и гороскопическая система прорицания китайцев. Эта система имеет за собой историю, восходящую к самым отдаленным временам, ибо она, несомненно, существовала раньше первых подлинных и датированных источников, которые Китай сохранил для нас[353]. Уже в первые века нашей эры она достигла полного развития. В то же время, хотя мы и будем изучать ее преимущественно на китайских материалах, это не значит, что она характерна только для этой страны; ее обнаруживают на всем Дальнем Востоке[354]. Сиамцы, камбоджийцы, тибетцы, монголы также знают и используют ее. Для всех этих народов она выражает «дао», т. е. природу. Она находится в основе всей философии и всего культа, которые упрощенно называют даосизмом[355]. В целом она управляет всеми деталями жизни в самой большой группе населения, какую когда-либо знало человечество.

Сама громоздкость этой системы вынуждает нас коснуться только основных ее черт. Мы ограничимся ее описанием лишь в той мере, в какой это необходимо, чтобы показать, насколько она согласуется в своих общих принципах с теми системами, которые мы описали до сих пор.

Сама она создана смешением нескольких систем.

Один из самых существенных принципов, на которых основана эта система, — деление пространства в соответствии с четырьмя странами света. Какое-либо животное ведает каждой из этих четырех областей и дает ей свое имя. Собственно говоря, животное сливается со своей областью: синий дракон — это Восток, красная птица — Юг, белый тигр — Запад, черная черепаха — Север. Каждая область имеет цвет своего животного, и в зависимости от разнообразных условий, которые мы не имеем возможности здесь описать, она является благоприятной или неблагоприятной. Символические существа, ведающие, таким образом, пространством, впрочем, так же управляют землей, как и небом. Так, холм или географическая конфигурация, напоминающая тигра, относятся к тигру и Западу; если они напоминают дракона, они относятся к дракону и Востоку. В связи с этим место будет считаться благоприятным, если окружающие его объекты имеют вид, соответствующий их пространственной ориентации: например, если находящиеся на Западе относятся к тигру, а находящиеся на Востоке — к дракону[356].

Но пространство, заключенное между каждыми двумя странами света, само разделено на две части; отсюда общее число из восьми подразделений[357], которые соответствуют восьми ветрам. Эти восемь ветров, в свою очередь, находятся в тесной связи с восемью силами, представленными восемью триграммами, которые занимают центр прорицательского компаса. Этими восемью силами являются вначале обе противостоящие друг другу субстанции земли и воды, расположенные по краям (1-я и 8-я); между ними расположены шесть других сил, а именно: 1) испарения, облака, эманации и т. д.; 2) огонь, тепло, солнце, свет, молния; 3) гром; 4) ветер и лес; 5) родники, реки, озера и море; 6) горы.

Таковы некоторые изначальные элементы, классифицированные по различным точкам розы ветров. Затем к каждой из них приписывается целый набор объектов. Кхиен, небо, чистый принцип света, мужского начала и т. д., расположено на Юге[358]. Оно «обозначает» неподвижность и силу, голову, небесную сферу, отца, князя, округлость, нефрит, металл, стекло, красное, хорошую лошадь, старую лошадь, большую лошадь, кривую саблю, плоды с деревьев и т. д. Иными словами, небо означает одновременно эти различные виды объектов, как у нас род одновременно означает виды, которые он в себе заключает. Кичун, женское начало, принцип земли, темноты, находится на Севере; к нему относятся покорность, скот, живот, земля-мать, одежда, котлы, множество, черный цвет, большие повозки и т. д. «Солнце» означает проникновение; в его подчинении находятся ветер, лес, длина, высота, домашняя птица, бедра, старшая дочь, движения вперед и назад, любая прибыль, начиная с 3 %, и т. д. Мы ограничиваемся лишь этими несколькими примерами. Перечень видов существ, событий, свойств, субстанций, происшествий под рубрикой восьми сил поистине бесконечен. На манер гносиса[359] или каббалы[360] он объемлет собой весь мир. На эту тему классики и их подражатели с неистощимым воодушевлением предаются бесконечным спекуляциям.

Наряду с делением на восемь сил здесь обнаруживается еще одна классификация, по которой вещи распределяются на пять элементов: землю, воду, дерево, металл, огонь. Впрочем, можно заметить, что первая сводима ко второй; на самом деле, если удалить из нее горы, если, с другой стороны, совместить испарения с водой, а гром — с огнем, то оба деления совпадут в точности.

Как бы ни решался вопрос о том, происходит ли одна из этих двух классификаций из другой, или они наслоились друг на друга, элементы играют ту же роль, что и силы. К ним относятся, в соответствии с составляющими их субстанциями или с их формами, не только все объекты, но и исторические события, земные катастрофы и т. д.[361]. Сами планеты к ним приписываются: Венера — это звезда металла, Марс — звезда огня и т. д. С другой стороны, эта классификация связана с системой в целом тем, что каждый из элементов локализован в одном из основных подразделений. Достаточно было поместить землю в центре мира (что, впрочем, и было сделано), чтобы иметь возможность распределить ее между четырьмя областями пространства. Поэтому они, так же как и области, бывают добрыми или злыми, сильными или слабыми, порождающими или порожденными.

Мы не будем следовать за традиционным китайским мышлением, за бесчисленным множеством его изгибов. Чтобы суметь приспособить к фактам принципы, на которых основана эта система, оно неустанно умножало, усложняло и дробило деления пространств и объектов. Оно не боялось даже самых явных противоречий. Например, можно было считать, что земля расположена поочередно на севере, северо-востоке и в центре. Дело в том, что в действительности эта классификация имела целью главным образом управление поведением людей и достигала этой цели, избегая опровержений опыта благодаря самой этой сложности.

Нам остается, однако, объяснить последнюю сложность китайской системы: как взаимодействуют в ней пространства, вещи и события. Четырем областям соответствуют четыре времени года. Кроме того, каждая из этих областей подразделяется на шесть

частей, и эти 24 подразделения, естественно, дают 24 сезона китайского года[362]. В этом совпадении нет ничего для нас удивительного. Во всех системах мышления, о которых мы сейчас говорим, учет времени идет параллельно учету пространств[363]. Как только осуществляется пространственная ориентация, времена года обязательно соотносятся со странами света: зима — с севером, лето — с югом и т. д. Но различение сезонов — это лишь первый шаг в исчислении времени. Чтобы быть полным, последнее, кроме того, должно включать деление на циклы, годы, дни, часы, что позволяет измерять все временные протяженности, как большие, так и малые. Китайцы добились этого результата следующим способом. Они создали два цикла: один — из 12 делений, другой — из десяти; каждое из этих делений имеет свое название и свою собственную характерную черту; таким образом, каждый момент времени представлен двуединством характерных черт, взятых из двух различных циклов[364]. Эти два цикла используются совместно как для годов, так и для дней, месяцев и часов; таким образом достигается довольно точное измерение. Их комбинация образует в результате шестидесятирочный цикл[365], поскольку после пяти смен двенадцатеричного цикла и шести смен десятирочного цикла то же двуединство характерных черт вновь точно определяет одно и то же время. Так же как сезоны, эти два цикла со своими подразделениями связаны с розой ветров[366] и через посредство четырех стран света с пятью элементами. Именно таким путем китайцы пришли к необычному с точки зрения наших теперешних идей представлению о времени неоднородном, символизируемом элементами, странами света, цветом, всякого рода подчиненными им объектами, в разных частях которого господствуют самые разнообразные влияния[367].

Но это еще не все. 12 лет шестидесятилетнего цикла соотносятся, кроме того, с 12 животными, которые выстраиваются в следующей последовательности: крыса, корова, тигр, заяц, дракон, змея, лошадь, коза, обезьяна, курица, собака и свинья[368]. Эти 12 животных распределены по три между четырьмя странами света, и тем самым данное деление времен[369] также связано с общей системой. Так, согласно текстам, датированным началом нашей эры, «году цзе соответствует крыса, и он принадлежит Северу и воде; год ва принадлежит огню, т. е. Югу, а его животное — лошадь» и т. д. Будучи подчинены элементам[370], годы подчиняются также областям, которые сами представлены животными. Очевидно, что перед нами множество перекрещивающихся классификаций, которые, несмотря на свои противоречия, улавливают реальность настолько точно, чтобы иметь возможность с достаточной пользой направлять деятельность[371].

Эта классификация пространств, времен, объектов, животных видов господствует над всей жизнью китайцев. Она составляет основу знаменитого учения фэн-шуй и через него определяет ориентацию зданий, закладку городов и домов, устройство могил и кладбищ; если такие-то работы производят здесь, а другие — там, если за определенные дела принимаются в то или иное время, то именно по соображениям, основанным на этой традиционной систематизации. И эти соображения основываются не только на геомантии, но и на вычислениях, относящихся к часам, дням, месяцам, годам: такое-то направление, будучи благоприятным в данный момент, становится неблагоприятным в другой. Силы бывают совместно действующими или расходящимися в зависимости от времени. Таким образом, не только во времени, как и в пространстве, все гетерогенно, но гетерогенные части, из которых созданы эти две среды, соответствуют друг другу, противостоят друг другу и располагаются в одной системе. И все эти элементы в бесчисленном количестве

комбинируются, чтобы определить род и вид природных объектов, направление находящихся в движении сил, действия, которые следует совершать, создавая в результате впечатление философии, одновременно изощренной и наивной, примитивной и утонченной. Перед нами весьма типичный случай, когда коллективное мышление продуманно и искусно разрабатывало явно первобытные темы.

В самом деле, если у нас и нет средства проследить историческую связь китайской системы с типами классификации, которые мы изучили ранее, то в то же время невозможно не заметить, что она базируется на тех же принципах, что и последние. Классификация объектов по восьми вождям, восьми силам, обуславливает подлинное разделение мира на восемь семейств, близкое к австралийским классификациям, если не считать отсутствия здесь понятия клана. С другой стороны, как и у зуни, в основе системы мы обнаружили весьма сходное деление пространства на основные области. К этим областям относятся также элементы, ветры и времена года. Так же как и у зуни, каждая область имеет свой собственный цвет и находится под преобладающим влиянием определенного животного, которое одновременно символизирует элементы, силы и моменты времени. У нас нет, правда, никакого средства убедительно доказать, что эти животные когда-то были тотемами. Несмотря на некоторое значение, которое кланы еще сохранили в Китае, и отличительную особенность, сближающую их с собственно тотемическими кланами, а именно экзогамию[372], они тем не менее вряд ли носили когда-то обычные названия для обозначения области или часов. Интересно, во всяком случае, что в Сиаме, согласно одному современному автору[373], существует запрет на браки между людьми одного и того же года и одного и того же животного, даже тогда, когда этот год принадлежит двум различным двенадцатилетиям. Это означает, что связь индивидов с животным, к которому они относятся, действует на супружеские отношения точно так же, как в других обществах действует связь индивидов со своими тотемами. С другой стороны, мы знаем, что в Китае гороскоп, учет восьми характеров, играет важную роль в советах прорицателей, предшествующих любой матримониальной встрече[374]. Правда, ни один из авторов, к которым мы обращались, не указывает на правовой запрет брака между индивидами одного и того же года или двух лет того же названия. Однако такой брак, вероятно, связывался с весьма дурными предзнаменованиями. Во всяком случае, если в Китае мы и не сталкиваемся с подобной экзогамией между людьми, родившимися под знаком одного и того же животного, то между ними все же существует квазисемейное отношение. В самом деле, Дулиттл сообщает нам, что принадлежность каждого индивида к определенному животному[375] широко известна, и все, кто связан с одним и тем же животным, не могут присутствовать на похоронах друг друга[376].

Китай, впрочем, не единственная цивилизованная страна, где мы находим какие-то следы классификации, напоминающие те классификации, которые мы наблюдали в низших обществах.

Прежде всего мы видели только то, что китайская классификация является главным образом инструментом прорицательской деятельности. Однако методы прорицания в Греции обнаруживают примечательное сходство с методами китайцев, означающее, по сути, те же способы классификации основных понятий[377]. Приписывание элементов, металлов планетам в такой же мере греческое, возможно халдейское, явление, что и

китайское. Марс — это огонь, Сатурн — вода и т. д.[378]. Отношение между определенным родом событиями и определенными планетами, увязывание пространств и времен, установление своеобразного соответствия между такой-то областью и таким-то моментом года, началом таких-то действий также встречаются в этих различных обществах[379]. Совпадение еще более любопытное позволяет увидеть близость астрологии и физиогномики китайцев, греков и, возможно, египтян. Греческая теория зодиакальной и планетарной мелотезии, имеющая, как считается, египетское происхождение[380], устанавливает строгие соответствия между определенными частями тела, с одной стороны, и определенными положениями звезд, определенными пространственными ориентациями, событиями — с другой. Однако в Китае также существует знаменитое учение, основанное на том же принципе. Каждый элемент связывается с одной из стран света, одним из созвездий, с определенным цветом, и эти разные группы объектов считаются, в свою очередь, соответствующими разным видам органов — обиталищам разных душ, страстям и различным частям, соединение которых образует «естественный характер». Так, ян, мужской принцип света и неба, имеет в качестве внутреннего органа печень, в качестве mansion [обиталища] — мочевого пузыря, в качестве отверстия — уши и сфинктеры[381]. И эта теория, всеобщий характер которой очевиден, не только любопытна; она заключает в себе определенный способ восприятия объектов. Мир здесь в действительности приписан к индивиду, а существа в некотором роде выражают функции живого организма. Это теория микрокосма в собственном смысле.

Впрочем, нет ничего более естественного, чем таким образом устанавливаемая связь между прорицанием и классификацией объектов. Любой прорицательский обряд, каким бы простым он ни был, базируется на представлении о предсуществующем влечении между определенными существами, на традиционно предполагаемом родстве между таким-то знаком и таким-то будущим событием. Кроме того, прорицательский обряд обычно не бывает изолированным; он составляет часть организованного целого. Наука прорицателей, стало быть, не устанавливает изолированные группы объектов, а связывает эти группы между собой. Таким образом, в основе системы прорицания существует система классификации, по крайней мере неявная.

Но главным образом методы классифицирования, совершенно аналогичные методам австралийцев или индейцев Северной Америки, проявляются через мифологии, причем в почти обнаженном виде. Каждая мифология, в сущности, есть классификация, но такая, которая черпает свои принципы в религиозных верованиях, а не в научных понятиях. Природа разделена между хорошо организованными пантеонами, точно так же как в других местах Вселенная разделена между кланами. В Индии, например, объекты, так же как и боги, распределены между тремя мирами неба, атмосферы и земли, подобно тому как китайцы классифицируют все существа согласно двум основным началам: ян и инь. Приписывать те или иные природные объекты какому-нибудь богу — значит группировать их в одну и ту же родовую рубрику, помещать их в один и тот же класс, а предполагаемые генеалогии, идентификации божеств заключают в себе отношения соподчинения или подчинения между классами объектов, которые представляют эти божества. Когда о Зевсе, отце людей и богов, говорится, что он породил Афину, воительницу, богиню мудрости, хозяйку совы и т. д., то это, собственно, две группы образов, которые оказываются связанными и классифицированными по отношению друг к другу. Каждый бог имеет своих

двойников, являющихся иными формами его самого и выполняющих в то же время другие функции. Благодаря этому разные силы и объекты, испытывающие воздействие этих сил, оказываются связанными с центральным или преобладающим понятием, как вид с родом или вторичная разновидность с основным видом. Именно так с Посейдоном[382], богом водоемов, связаны другие, более незаметные фигуры: аграрные боги (Афарей, Алоэй, пахарь, молотильщик), боги лошадей (Актор, Элат, Гиппокоонт и т. д.), бог растительности (Футальмиос).

Эти классификации составляют даже столь существенные элементы развитых мифологий, что они сыграли важную роль в эволюции религиозного мышления; они облегчили сведение к единству множества богов и благодаря этому подготовили монотеизм. «Генотеизм»[383], характеризующий брахманическую мифологию, по крайней мере с того момента, как она достигла определенного развития, в действительности состоит в тенденции ко все большему сведению богов друг к другу, так что каждый в конце концов овладевает атрибутами всех других и даже их именами. Неустойчивая классификация, в которой род легко становится видом, и наоборот, но которая обнаруживает нарастающую тенденцию к единству, — вот что такое с определенной точки зрения пантеизм добуддийской Индии; и так же обстоит дело с классическим шиваизмом и вишнуизмом[384]. Узенер также показал[385], что прогрессирующая систематизация греческих и римских политеизмов явилась существенным условием для утверждения западного политеизма. Мелкие, локальные, специализированные боги мало-помалу подчиняются главнейшим вождям, великим богам природы, и постепенно в них растворяются. В течение какого-то времени представление об особенностях первых богов сохраняется; имя старого бога сосуществует с именем бога великого, но только в качестве атрибута последнего; затем его существование становится все более и более призрачным вплоть до того дня, когда великие боги остаются одни если не в культе, то по крайней мере в мифологии. Можно было бы сказать, что мифологические классификации, когда они полны и систематичны, когда они охватывают Вселенную, знаменуют конец мифологий в собственном смысле; Пан, Брахман, Праджапати, высшие роды, абсолютные и чистые существа представляют собой мифические фигуры, почти столь же бедные образами, как и трансцендентный бог христиан.

И, вероятно, благодаря этому мы незаметно приблизились к абстрактным и относительно рациональным типам, находящимся на вершине первых философских классификаций. Уже не вызывает сомнений, что китайская философия в ее собственно даосском варианте базируется в основном на описанной нами системе классификации. Не вдаваясь в обсуждение исторического происхождения греческих учений, нельзя в то же время удержаться от мысли, что оба принципа гераклитовского ионизма, война и мир, принципы Эмпедокла, любовь и ненависть, делят между собой объекты так, как это делают инь и ян в китайской классификации. Связи, устанавливаемые пифагорейцами между числами, элементами, полами и некоторыми другими объектами, напоминают соответствия религиозно-магического происхождения, о которых мы имели случай говорить. Впрочем, даже во времена Платона мир еще воспринимался как обширная система классифицированных и иерархизированных влечений[386].

Итак, первобытные классификации не отличаются особым своеобразием, не позволяющим уподобить их тем классификациям, которые используются у самых культурных народов. Напротив, они, на наш взгляд, непосредственно примыкают к первым научным классификациям. В самом деле, как бы глубоко они ни отличались от последних в некоторых отношениях, они тем не менее обладают всеми их основными характерными чертами. Прежде всего, точно так же как и классификации ученых, они представляют собой системы иерархизированных понятий. Объекты в них не просто расположены изолированными друг от друга группами; эти группы поддерживают между собой определенные отношения, а их совокупность образует единое целое. Кроме того, эти системы, так же как и системы науки, имеют сугубо умопостигаемую цель. Их цель — не облегчить деятельность, но сделать понятными, вразумительными отношения между существами. Опираясь на некоторые понятия, признаваемые основными, ум стремится привязать к ним представления, которые он составил себе о других вещах. Такие классификации, следовательно, предназначены прежде всего для того, чтобы связывать идеи между собой, объединять познание; на этом основании можно смело утверждать, что они являются научным творением и составляют первую натурфилософию[387]. Австралиец делит мир между тотемами своего племени не с целью упорядочения своего поведения и даже не для оправдания своих действий, но дело в том, что, поскольку понятие тотема является для него главным, существует необходимость расположить по отношению к этому понятию все его другие познания. Можно считать поэтому, что условия, от которых зависят эти очень древние классификации, таковы, что сыграли важную роль в генезисе функции классификации в целом.

Таким образом, из всего нашего исследования вытекает, что эти условия имеют социальную природу. Логические отношения вещей не служили основой для социальных отношений людей, как, по-видимому, полагает Фрэнк; в действительности последние послужили прототипом для первых. Согласно Фрэнку, люди распределились по кланам, следуя предварительной классификации вещей; однако в действительности, наоборот, они классифицировали вещи, потому что были распределены по кланам.

В самом деле, мы видели, как именно по образцу ближайшей и основной социальной организации эти классификации были построены. Но этой характеристики недостаточно. Общество было не просто образцом, в соответствии с которым работало классифицирующее мышление; именно его собственный каркас послужил каркасом для всей системы. Первыми логическими категориями были социальные категории; первыми классами вещей были классы людей, в которые эти вещи были включены. Именно потому, что люди были объединены в группы и мыслили себя в форме групп, они сгруппировали в своих представлениях другие существа, и оба вида группировки начали смешиваться до такой степени, что стали неразличимы. Фратрии были первыми родами, кланы — первыми видами. Вещи считались неотъемлемой частью общества, и как раз их местом в обществе определялось их место в природе. Можно даже задаться вопросом, не зависит ли отчасти от тех же влияний схема обычного способа восприятия рода. Повседневное наблюдение показывает, что вещи, включенные в подобный род, обычно представляются помещенными в некую идеальную среду, в более или менее четко очерченный круг в пространстве. Несомненно, не без причины столь часто понятия и их связи изображались кругами концентрическими, эксцентрическими, внутренними, внешними по отношению друг к другу

и т. д. Не проистекает ли эта тенденция представлять себе чисто логические группировки в форме, контрастирующей в данном отношении с их истинной природой, из того, что вначале они воспринимались в форме социальных групп, занимая поэтому определенное место в пространстве? И не наблюдали ли мы фактически эту пространственную локализацию родов и видов в довольно значительном множестве очень различных обществ?

Не только внешняя форма классов, но и связи, соединяющие их между собой, имеют социальное происхождение. Именно потому, что человеческие группы заключены друг в друге: субклан — в клане, клан — в фратрии, фратрия — в племени, — группы вещей располагаются в том же порядке. Последовательное уменьшение их объема по мере того, как мы переходим от рода к виду, от вида к разновидности и т. д., происходит от такого же процесса в социальных подразделениях по мере удаления от наиболее обширных и древних и приближения к наиболее современным и производным. И если совокупность объектов воспринимается как единая система, то потому, что само общество воспринимается таким же образом. Оно есть целое или, точнее, оно есть единое целое, с которым все соотносится. Таким образом, логическая иерархия является лишь иным аспектом иерархии социальной, а единство познания — не что иное, как единство самого коллектива, обитающего во Вселенной.

Более того, сами связи, объединяющие либо существа одной и той же группы, либо различные группы между собой, воспринимаются как социальные связи. Мы отмечали вначале, что выражения, которыми мы еще сегодня обозначаем эти отношения, имеют нравственное значение. Но в то время как для нас они уже только метафоры, первоначально они использовались в прямом смысле. Объекты одного и того же класса реально рассматривались как родственные индивидам одной и той же социальной группы и потому — как родственные между собой. Они «из той же плоти», из одной и той же семьи. Логические отношения тогда в известном смысле являются домашними отношениями. Иногда также, и мы это видели, они со всех точек зрения сравнимы с отношениями, существующими между хозяином и обладаемой вещью, между руководителем и его подчиненными. Можно даже задаться вопросом, не здесь ли находится рудиментарная форма представления, столь странного с позитивной точки зрения, о примате рода над видом. Так же как для реалиста общая идея доминирует над индивидом, тотем клана доминирует над тотемом субклана и еще более — над личным тотемом индивидов. И там, где фратрия сохранила свою первоначальную устойчивость, она обладает над входящими в нее подразделениями и отдельными существами своего рода главенством. Вотьобалук в изображении Хауитта, хотя и является в значительной мере варвучом и особенно моивилуком, все же прежде всего — крокич или гамуч. У зуны животные, символизирующие шесть основных кланов, целиком находятся в ведении соответствующих субкланов и всякого рода существ, которые в них сгруппированы.

Но если предыдущее и позволяет понять, как могло сложиться понятие классов, связанных между собой в одной и той же системе, то по-прежнему неизвестно, каковы те силы, которые подтолкнули людей к распределению вещей между этими классами согласно принятому ими методу. Из того, что внешние рамки классификации предоставлены обществом, не следует с необходимостью, что способ, которым эти рамки применялись, зависит от причин того же происхождения. Можно предположить *a priori*, что движущие

силы совершенно иного порядка определили способ, которым существа сближались, соединялись или же, наоборот, различались и противопоставлялись.

Своеобразие созданной тогда концепции логических связей позволяет отвергнуть эту гипотезу. В самом деле, мы только что видели, что они представляются в форме семейных связей или как отношения экономической или политической субординации; дело, стало быть, в том, что те же чувства, которые лежали в основе домашней, социальной и прочей организации, управляли и этим логическим распределением объектов. Последние связываются или противопоставляются так же, как люди связываются родством или противопоставляются кровной мезтью. Они сливаются воедино так же, как в обыденном мышлении сливаются члены одной и той же семьи. То, что заставляет одни вещи подчиняться другим, со всех точек зрения сходно с тем, что заставляет воспринимать находящийся во владении предмет как низший по отношению к его собственнику и подчиненный своему хозяину. Следовательно, эти группировки порождены состояниями коллективной души и, более того, эти состояния имеют явно эмоциональный характер. Существуют эмоциональные привязанности между вещами, как и между индивидами, и они классифицируются в соответствии с этими привязанностями.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что можно классифицировать нечто иное, чем понятия, и иначе, чем в соответствии с законами чистого разума. Ибо для того, чтобы понятия смогли столь упорядоченно расположиться на основе чувства, надо, чтобы сами они были не чисто мыслительными образованиями, но порождением чувства. И действительно, для тех, кого называют первобытными людьми, любой вид предметов — не просто объект познания; прежде всего он соответствует некоторой эмоциональной установке. В представлении, создаваемом об этом виде, совместно участвуют всякого рода эмоциональные элементы. Религиозные эмоции, в частности, не только сообщают ему особую окраску, но также придают наиболее существенные конституирующие свойства. Объекты являются прежде всего священными или светскими, чистыми или нечистыми, друзьями или врагами, благоприятными или неблагоприятными[388]. Это значит, что их наиболее существенные черты лишь выражают способ их воздействия на социальные чувства. Различия и сходства, определяющие то, как они группируются, являются в большей мере эмоциональными, чем интеллектуальными. Вот почему получается, что вещи в некотором роде меняют свою природу в зависимости от обществ; дело в том, что они по-разному влияют на чувства групп. То, что в одном месте воспринимается как совершенно однородное, в других местах представляется как по существу разнородное. Для нас пространство образовано из частей, сходных между собой, взаимозаменяемых. Мы видели, однако, что для многих народов оно глубоко дифференцировано по областям. Дело в том, что каждая область обладает своей собственной эмоциональной ценностью. Под влиянием разнообразных чувств она связывается с особым религиозным принципом и вследствие этого наделяется свойствами *sui generis*, отличающими ее от любой другой области. А именно эта эмоциональная ценность понятий играет ведущую роль в способе, которым они сближаются или разделяются. Именно она служит господствующим характерным признаком в классификации.

Часто говорилось, что человек вначале представлял себе вещи, относя их к самому себе. Предшествующее изложение позволяет уточнить, в чем состоит этот антропоцентризм,

который лучше было бы назвать социоцентризмом. Центр первых систем природы — не индивид; это — общество[389]. Объективируется оно, а не человек. Нет ничего более наглядного в этом отношении, чем способ, которым индейцы сиу в некотором роде помещают весь мир целиком в границы племенного пространства; и мы видели, что само вселенское пространство есть не что иное, как место, занимаемое племенем, но бесконечно расширенное за пределы его реальных границ. Благодаря этой же предрасположенности сознания столько народов помещали центр мира, «пуп земли», в своей политической или религиозной столице[390], т. е. там, где находится центр их духовной жизни. Точно так же, но в другой категории идей созидательная сила Вселенной и всего, что в ней находится, вначале рассматривалась в качестве мифического предка, породившего общество.

Вот как получилось, что представление о логической классификации формировалось с таким трудом, что мы и показали в начале этой работы. Дело в том, что логическая классификация есть классификация понятий. Но понятие — это четко определенное представление о группе существ; его границы могут быть точно обозначены. Эмоция, напротив, — это явление по существу расплывчатое и неустойчивое. Ее заражающее влияние расходуется за пределы места ее возникновения, распространяется на все, что ее окружает, так что невозможно сказать, где остановится сила ее распространения. Эмоциональные по природе состояния необходимо связаны с этим свойством. Невозможно сказать, где они начинаются и где кончаются; они теряются друг в друге, смешивают свои свойства таким образом, что их невозможно распределить по строгим категориям. С другой стороны, чтобы суметь обозначить границы класса, требуется еще перед этим проанализировать признаки, по которым узнаются существа, собранные в этот класс и которые их отличают. Однако эмоция, естественно, не поддается анализу или по крайней мере поддается с трудом, потому что она слишком сложна. Она противостоит критическому и обдуманному рассмотрению, особенно когда она коллективного происхождения. Давление, оказываемое социальной группой на каждого из ее членов, не позволяет индивидам свободно судить о понятиях, которые общество само выработало и в которые оно вложило нечто от своей индивидуальности. Подобные построения священны для частных лиц. История научной классификации в конечном счете является также историей самих этапов, во время которых этот элемент социальной эмоциональности последовательно ослабевал, оставляя все больше и больше свободного места обстоятельному размышлению индивидов. Но ошибочно считать, что эти отдаленные влияния, которые мы сейчас исследовали, перестали ощущаться сегодня. Они оставили после себя результат, который переживает их и который по-прежнему существует: это сами рамки всякой классификации, это вся совокупность мыслительных навыков, благодаря которым мы представляем себе существа и факты в форме соподчиненных и подчиненных друг другу групп.

Благодаря этому примеру можно видеть, каким светом социология освещает генезис, а затем функционирование логических операций. То, что мы попытались сделать по отношению к классификации, можно было бы также испытать и на других основных функциях или понятиях разума. Нам уже приходилось указывать мимоходом, что даже столь абстрактные идеи, как идеи времени и пространства, в каждый момент их истории находятся в тесной связи с соответствующей социальной организацией. Этот же метод мог бы помочь также уяснить, как сформировались понятия причины, субстанции, различные формы умозаключения и т. д. Все эти вопросы, столь давно волнующие метафизиков и психологов, перестанут наконец бесконечно повторяться с того дня, когда они начнут

обсуждаться в понятиях социологии. По крайней мере, в этом есть новое средство, достойное того, чтобы его испытать.

Версия #2

Зверобой создал 26 апреля 2026 01:49:53

Зверобой обновил 26 апреля 2026 03:22:53